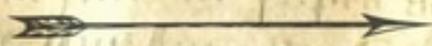

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР
Зло не отступит – настало время
финальной битвы!

ПОЛА БРЕКСТОН

**Возвращение
ВЕДЬМЫ**

like
BOOK

Annotation

Лодка, серебристая река в жутковатом свете ночи, и жизнь, висящая на волоске... Героям нового романа Полы Брекстон придется несладко.

Теган уже не угловатый подросток. Смерть лучшего друга, ведьмы Элизабет, навсегда изменила ее и заставила по-другому взглянуть на знакомые вещи. Она объездила мир, познакомилась с новыми людьми. Теган больше не ученица чародейки, а полноценный маг. Вот только хватит ли у нее сил, чтобы выстоять перед лицом смертельной опасности? Гидеон, чернокнижник и некромант, возвращается. Змеиная натура и подлый нрав не дадут ему пощадить Теган. Он будет играть с ней, измываться, пока не получит ее душу. И потребуются чудо, чтобы этого избежать. Чудо или старый друг, готовый пожертвовать жизнью ради других.

Пола Брекстон

Возвращение ведьмы

Paula Brackston
THE RETURN OF THE WITCH

Published by arrangement with St. Martin's Press, LLC.
All rights reserved

Серия «Хроники теней»

Copyright © 2016 by Paula Brackston
© Гусакова К., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Саймону — не без причины горячо любимому

На мгновение звуки исчезли, и на лес сошла сверхъестественная тишина. Словно воздух, в котором разносились ночные шорохи, разом пропал. Я будто очутилась в плену собственного бесчувственного тела — ничего не слышала, не видела, не могла ни крикнуть, ни вымолвить и слова. Я лежала, не ощущая даже заснеженной земли под собой, и мучительно пыталась вздохнуть, пошевелиться, вновь ожить. А затем, когда я уже почти задохнулась в этой пустоте, чувства вернулись. Легкие жадно втянули царапнувший горло морозный воздух. Сердце заколотилось быстро и неровно, как будто я куда-то бежала. Как будто меня охватил ужас. Ужас и в самом деле меня охватил. Покидать Летние земли было опасно и болезненно. Из такого места обычно не возвращаются. Ведьмы прибывают туда, даже не думая потом уходить. И все же — вот она я, изгнанница из сего мира высшего спокойствия и магии, порочный ангел, сброшенный с небес.

Как я могла такое допустить? Почему должна идти этой дорогой? Мы были так уверены, что *он* надежно схвачен, что ему не удастся сбежать. И все же — вот она я. Сперва, услышав новость, я отказалась в нее верить, отказалась ее принять. Я была уверена, что это просто ошибка. Но правда — цепкая штука, на которую никому не удастся долго закрывать глаза, и она заключалась в том, что Гидеон ухитрился избавиться от магических уз, улизнуть от тюремщиков, покинуть Летние земли и вернуться в мир живых.

Как?! Провернуть подобное не удавалось еще ни одному пленнику. Нет никаких записей, и никто такого не помнит. Даже несмотря на всю его темную магию, у Гидеона все равно не хватало сил для столь рискованного и сложного действия. Что-то ему помогло. Или кто-то. И лишь Богине ведомо, насколько жуткой магией владеет этот «кто-то». С таким союзником Гидеон опасен вдвойне.

Я с трудом встала и стряхнула с одежды снег, закуталась в плащ, запахнув его поплотнее. В голых ветвях завывал беспощадный ветер. Глаза привыкли к темноте, а скудный свет растущей луны помог осмотреться. Бэткомский лес был мне знаком и наполнен столь яркими воспоминаниями, что сразу стало очень не по себе. Перед мысленным взором пронеслись образы из прошлого: вот я, еще девочка, пробегаю между деревьями, собираю мхи и травы для маминой фармакопеи; моя семья: Уильям, Теган, Гидеон. Как всегда — Гидеон.

Я отогнала образы прочь. Надо собраться, направить все мысли и силы на решение насущных проблем. Вопрос жизни и смерти — стараться не замечать боль от того, что мне пришлось покинуть место, которое стало моим домом, где я мечтала навсегда остаться со своими сестрами-ведьмами. Меня выдернули оттуда из-за Гидеона. Невероятно горько это осознавать, ведь привычный порядок оказался нарушен, и меня, возможно, уже никогда не пустят обратно.

После пяти лет внетелесного существования скользкая от льда земля казалась мне странно твердой. Руки и ноги были тяжелыми, движения — неповоротливыми. Мимо

пронеслась сова, и ночную тишину прорезал ее хриплый крик. Я расправила плечи и вскинула подбородок. Гидеон меня опережал. Наверняка он попытается отыскать Теган. Мой план был ясен. Гидеона необходимо остановить, и сделать это должна именно я. И уж сейчас-то — никакой жалости.

Метрейверс, февраль 2014-го

Коттедж «Ива», к моему удовольствию, казался прежним, ровно таким, как в день, когда я поселилась в нем шесть лет назад. Февральские ветра принесли с собой снег, в котором теперь тонула вся деревня. Метель окончилась, воздух был чистым, а небо — безоблачным. Белоснежная земля сверкала в лучах утреннего солнца. Еще у калитки, отмечающей границу сада, я заметила, что остролисты, которые я посадила, чтобы заткнуть дыры в изгороди, уже неплохо вымахали и теперь надежно защищают фасад дома своими колючками. Из-под слоя снега выглядывали знакомые кустарники и зимние растения. В стороне стояли ивы, изящные даже с по-зимнему обнаженными ветвями. На крыше виднелись влажно поблескивающие плитки шифера, где жар дымохода растопил снег. Вверх поднимался дымок... Сердце сжалось. Я так легко могла представить уютнейшую кухонную печь, потертую старую мебель, ряды банок и бутылочек на дубовом комод, низкое окошко над раковиной, что выходило на огородик за домом.

Однако я помнила дом таким, каким он был при мне. Когда коттедж «Ива» был моим. Теперь он принадлежит Теган. Интересно, поменяла ли она что-нибудь? Увижу ли я, что все расставлено по-другому, кругом новая мебель, а может, и иная атмосфера? Конечно, Теган имеет полное право поступать с собственным жилищем как угодно. Я отдала его полностью и без всяких условий, чтобы она обрела собственный угол, которого была лишена в неприкаянном детстве. Да и как она меня примет? Я не раз мечтала об этом мгновении, но сейчас вдруг поняла, что не спешу открыть калитку и, пройдя по узкой дорожке, постучать в дверь. За последние пять лет я несколько раз навещала Теган во снах. Я пыталась утешить и приободрить ее. А также — предупредить. И я была довольна, что Теган меня услышала. Я верила, что наши мимолетные встречи помогли ей обрести спокойствие. А вот вновь предстать перед ней во плоти, на земле, словно воскреснув из мертвых... ну, это совершенно другое дело. Теган будет поражена. Возможно — напугана. Разозлится ли она, что я ее оставила? Простила ли она меня? Поймет ли причину, почему я вернулась в ее жизнь незваной гостьей?

Мое внимание привлек звук. Приглушенный снегом и ритмичный, словно в огороде кто-то работает. Вернее, подметает. Теган. Я распахнула калитку и обошла дом, оживившись — как хорошо, что наше воссоединение произойдет под светло-голубым небом, в лучах яркого солнца. У моего плеча летел сопровождающий — черный дрозд, который своей песней

оповещал всех о моем прибытии. Шорохи стихли. Вот же она — Теган. Она стояла, опершись на самодельную метлу, и пыталась увидеть, кто же ее позвал. Я замерла в снегу. Коттедж «Ива», может, слегка и изменился, а вот Теган буквально преобразилась. Тонкая нескладная девчонка, которую я оставила, выросла в сильную и красивую девушку. Она тепло оделась — шерстяная шапка и перчатки, дутое пальто. Резиновые сапоги казались на размер больше нужного, и ноги по-прежнему были худыми, но сама Теган уже обрела взрослые, женские формы. Я вглядывалась в ее лицо, стараясь понять выражение, желая увидеть, какое же впечатление на нее произведет мое появление. Теган ахнула. Следующее мгновение показалось мне вечностью. Сердце рухнуло вниз, и я могла только представить, в каком смятении находится ее собственное. Поверит ли Теган глазам? Не уверена, что я поверила бы своим на ее месте. И я заставила себя произнести хоть что-то, разорвать это напряжение.

— Тебе стоит закончить работу, — кивнула я на заснеженные плоские камни дорожки у ее ног. — Вечером все замерзнет. Старая женщина поскользнется и что-нибудь себе сломает.

Теган выпрямилась, стискивая рукоять метлы.

— Не вижу никаких старых женщин, — ответила она с прежним нечитаемым выражением лица. А потом радостно завизжала.

Отшвырнув метлу, Теган подбежала и стиснула меня в объятиях так, что чуть не задушила.

— Это ты! Правда ты! — восклицала она, отстраняясь, чтобы рассмотреть, и вновь крепко обнимая. — Поверить не могу! То есть могу. В смысле, должна! Потому что вот она ты, здесь. Но как у тебя вышло? То есть, почему бы и нет... Да, я тараторю, а как иначе? В смысле, ты появилась тут вот так. И выглядишь... ну, как раньше!

Теган смеялась и плакала, и наши слезы смешались, когда она восторженно расцеловала мои щеки.

— О, Элизабет, я знала, что ты вернешься! Просто знала. Даже если это было чушью. — Теган шмыгнула носом и вытерла глаза о перчатку. — И вот ты здесь.

Я кивнула, улыбаясь, а затем взяла Теган за руки и шагнула назад, чтобы снова ее рассмотреть.

— Вот я здесь, но где же тощий ребенок, которого я помню? Что это за женщина, такая взрослая и наконец-то должным образом одетая?

Только сейчас я заметила, что от нее исходит не только физическая сила, но и нечто другое. Мощь иного рода.

— Я правда так изменилась?

— До сих пор столько же трещишь, то есть слишком уж много!

Теган просияла.

— О, как ты, наверное, скучала по моей болтовне!

— Как и по твоей готовке.

— Ха! Так и знала, что ты меня с кем-то пугаешь, — рассмеялась она.

Мы умолкли, просто глядя друг на друга. Утренний воздух будто стал плотнее, словно сам день начал наполняться вопросами, невысказанными мыслями, болью.

— Не пригласишь в дом? — спросила я.

Теган неуверенно пожала плечами:

— Он твой.

— Нет, Теган. Твой.

Она с улыбкой сунула руки в карманы.

— Чайник уже греется, — произнесла она по пути к черному ходу.

В доме мы разулись и оставили обувь сохнуть на коврик. Признаюсь, меня тронуло, что кухня ничуть не изменилась. У дальней стены — плита с неизменным тихо свистящим чайником. Старая угольная печь еще больше потемнела и потрескалась, однако по-прежнему давала уютное тепло. Покосившиеся стулья, стол, потертые коврики, комод — все было на месте. Я не устояла перед соблазном рассмотреть расставленные на полках бутылочки. Банки с фруктами и соленьями. Сушеные травы. Цветочные масла и настойки. Все аккуратно подписано.

— Ого! До сих пор их делаешь? — Я взяла темно-синюю бутылочку лавандового масла и, вытащив пробку, вдохнула аромат. — Какой прекрасный! Очень даже хорош.

— Я использовала твой рецепт, — отозвалась Теган и взяла кружки для чая. — И твои растения из сада.

— Но приготовила его сама.

Достав из холодильника молоко, Теган продолжила возиться со звякающими кружками и ложками. Волнение и радость схлынули, и теперь Теган присмирела. Как будто сперва дала слабину и проявила искренний восторг, а теперь обузда чувства, закрылась и больше не подпустит меня так близко. По крайней мере, пока. Я напомнила себе, как одинока она была всю свою жизнь. Нельзя ждать мгновенного прощения или единения. Я сама оставила Теган и должна вновь завоевать ее доверие. Правда, меня беспокоило, что у нас нет времени на восстановление былой дружбы. Нешуточная опасность уже подобралась к самому порогу.

Сняв пальто, Теган повесила его на спинку стула, и в верхнем кармане что-то шевельнулось. К моему изумлению, оттуда вылез маленький белый мышонок. Он уставился на меня ярко-красными глазами, подергивая усиками.

— Это что... тот самый мышонок, которого я тебе подарила? — спросила я.

Теган привычно протянула руку крошечному зверьку, он запрыгнул на ладонь и, пробежавшись вверх, устроился на плече, где, очевидно, чувствовал себя как дома.

— Ага, он, — ответила Теган, почесав его за ушком. — До сих пор жив-здоров, верно, Алоизиус?

— Тогда ему, выходит... что, почти восемь лет? Весьма почтенный возраст для мыши.

Теган прислонилась к плите, скрестив руки.

— Когда мы познакомились, тебе было триста восемьдесят четыре. За все время, что мы провели вместе, ты не старела и даже не думала умирать. Ты исчезла в чертовом облаке дыма — мол, перенеслась в какой-то ведьминский рай, а теперь вдруг — оп, и ты снова тут, спокойная такая, учишь меня подметать снег, как будто отлучалась в магазин на пять минут. И после этого тебе не нравится, что какая-то мышь прожила в два раза больше обычного?

— Нет, мне все...

— Знаешь, магия есть не у одной тебя. Алоизиус был со мной в ту ночь в Бэткомском лесу. Когда все завертелось. Он попал в самую гущу, с заклинаниями, проклятиями, огнем... И что-то не дало ему тогда погибнуть. — Теган поцеловала любимца. — Думаю, оно и поддерживает в нем жизнь.

— Я рада. Рада, что он все это время был с тобой.

Теган накрыла стол, и мы сели пить чай. Как только она открыла коробку с песочным печеньем, Алоизиус уселся рядом с кружкой и ловко принял у хозяйки несколько кусочков. Я так хотела потянуться и взять ее за руку. Хотела рассказать, как чудесно снова к ней вернуться. Как я скучала. Как я ее люблю. Может, я и сама слишком долго держала чувства

взаперти, закрываясь от всех, отворачивалась от людей вместо того, чтобы шагать к ним навстречу. Или же я просто знала, что Теган еще не готова меня простить. Не готова рискнуть, ведь я могу снова причинить ей боль.

Я согрела руки о кружку и тоже взяла угощение. На вкус печенье было восхитительным, домашним, и на мгновение меня поразило то, что я снова ем. За пять лет в Летних землях я узнала многое и о ведьмовстве, и о себе. И еще о том, как скучаешь по пребыванию в материальном мире, по простым удовольствиям вроде возможности поесть печенье.

— Вот теперь ты действительно меня удивила, Теган. Восхитительно!

Отсылка к давним кулинарным провалам не вызвала у нее улыбки. Напротив, Теган нахмурилась.

— Так, снег на дорожках, лавандовое масло, печенье... Хватит ходить вокруг да около. Из Летних земель никто не возвращается. Мы обе понимаем, ты здесь не просто, чтобы проверить, как я научилась вести хозяйство.

— Верно.

— Давай выкладывай. Я больше не ребенок, мои чувства не обязательно защищать... Почему, Элизабет? Почему сейчас, спустя столько лет? Зачем ты явилась?

— Мне надо с тобой поговорить.

— Ха! Знаешь, сколько раз мне надо было поговорить с тобой за эти пять лет? Нет, конечно, откуда тебе знать, тебя здесь не было. Ты меня бросила.

— Теган, прости, у меня не было выбора.

— Выбор есть всегда! — сорвалась она, но вновь взяла себя в руки. Алоизиус, который явно остро улавливал смену настроения хозяйки, шмыгнул в карман ее свитера. — Послушай, с тех пор, как ты... как ты ушла, я многому научилась. Я путешествовала. Изучала искусство по всему свету. Я сидела у ног ведьм и шаманов и слушала. То, что они мне открыли... — Теперь взгляд Теган был невозмутим. — Я уже другой человек.

— Я вижу. И горжусь тобой.

— А знаешь, что самое главное? Из всех мудростей, всех знаний я вынесла самую важную мысль: если не я, — ткнула Теган себя в грудь, — то кто? Мы должны сами отвечать за собственную жизнь. За собственный выбор.

Она отвела взгляд, однако я успела заметить блеснувшие слезы.

— Теган, я всегда была с тобой, насколько могла... И я здесь потому, что не хочу оставлять тебя одну. Вместе мы справимся.

Она напряглась. Я выдержала паузу, чтобы она осознала. Чтобы пришла к единственному логичному выводу.

— Как ему удалось? — спросила Теган, не поднимая головы. — Как он сбежал?

Я заранее готовила ответ и тщательно подбирала слова, но сейчас они показались мне неподходящими.

— Никто такого не ждал. Я унесла Гидеона в Летние земли, объединив свои магические силы с несколькими сестрами-ведьмами. Он был в плену, под охраной. По крайней мере, мы так думали. Еще никому не удавалось сбросить узы и покинуть Летние земли. Такого просто никогда не случалось.

— Однако Гидеон смог.

— Он действовал не один. Ему наверняка кто-то помогал.

— Кто? Другая ведьма?

— Нет! Ни одна ведьма не сотворит такое.

— Тогда кто?

— Не знаю. Никто из нас не знает. Но это не так важно. Главное, что он смог улизнуть, смог вернуться в это время. И в это место.

— В деревню?!

— В Бэткомский лес.

— А, он в... десяти милях отсюда? Значит, здесь мы в безопасности!

Теган храбрилась, пытаясь скрыть страх. Я так хотела ее успокоить, сказать, что бояться нечего... но она действительно уже не ребенок и заслуживает услышать все как есть.

— Ему пришлось вернуться туда, откуда его забрали. Больше мы ничего не знаем.

— И где он сейчас?

— Понятия не имею. Мы с сестрами изо всех сил старались его найти, но он скрыл место своего пребывания.

Теган сухо рассмеялась.

— Просто поживи здесь немного, и он сразу объявится. — Она качнула головой. — Поэтому ты и появилась. Ты знаешь, что он за мной придет. Ты его ждешь. Так ты здесь, чтобы спасти меня? Или поймать его? Чего именно ты хочешь?

— Это одно и то же. Буду с тобой полностью откровенна — ловить его уже никто не собирается. На этот раз мы не оставим ему возможности вернуться и творить зло. От него надо избавиться.

— Кажется, припоминаю, что в прошлый раз именно это нам и не удалось.

— Сейчас все по-другому. Сейчас ты другая, Теган. У тебя есть собственный дар, ты упорно трудилась. Вместе мы...

Теган ушла к раковине, где принялась чересчур старательно мыть свою кружку. Изгиб плеч, резкие движения, плохо скрытые слезы — все в ней говорило о страхе. И Теган имела полное право бояться.

Печаль сдавила мне горло. Я тоже поднялась.

— Прости. Если бы существовал иной способ, какой угодно, лишь бы тебе не пришлось с ним столкнуться вновь... Мне очень жаль, правда. — Я легонько тронула ее предплечье.

Теган поколебалась.

— То есть ты останешься? — наконец спросила она. — Ты останешься и поможешь мне?

— Честное слово.

Она коснулась моей руки пальцами — осторожно и в то же время многозначительно. Как только наша кожа соприкоснулась, я ощутила явное покалывание — магия. Магия Теган. И от ее силы у меня перехватило дыхание. За долгие годы я перевидала множество ведьм, однако даже краткая связь дала мне понять, что в Теган кроется нечто необыкновенное. И эта неожиданная сила, эта существенная перемена в ней поражала.

Если Теган и заметила мое изумление, то не подала виду.

— Мне пора кормить кур, — произнесла она с храброй улыбкой. — Хочешь на них посмотреть?

коттедж «Ива», пусть они и омрачены тенью Гидеона. Мы постоянно держались настороже, выискивали намеки на опасность. Чували сердцем и ждали то, что неминуемо произойдет. Мы радовались нашему воссоединению — и в то же время не могли спокойно наслаждаться заново открытой дружбой. Несмотря на холод, погода была приятной, ясной. Временами шел снег. В основном — ночью, так что по утрам мы видели за окном сверкающий девственно-белый пейзаж и деревушку, похожую на картинку с открытки. Мы с Теган, как могли, защищали и себя, и наш маленький домик. Вдобавок, мы никуда не выбирались поодиночке. Я сопровождала Теган в ее еженедельных вылазках в Пасбери. Замечательно, что Теган до сих пор держала прилавок на местном рынке, как я когда-то, и продавала масла, свечи и тому подобное. В конце концов, ведьме надо на что-то жить. При иных обстоятельствах я наслаждалась бы поездками в городок, где и сама торговала на рынке. Я постоянно оглядывалась и выискивала среди покупателей лицо, от которого у меня в жилах тут же застынет кровь. Люди все приходили за товарами, а я поражалась способности Теган держать себя в руках и продолжать работу. Мне вдруг стало любопытно, как молодая женщина, которой изменял муж, справляется без моего зелья, помогавшего его подчинить. Или как там пожилая пара, страдавшая от боли в суставах и костях. Или нервный подросток, который успешно избавился от угрей на лице. Я так долго пробыла целителем — травницей, медсестрой, врачом и прочими ипостасями одного и того же, — что сейчас мне этого очень не хватало.

В городке и в деревне меня начинали узнавать. В целом, люди почти не задавали вопросов. Они, без сомнений, считали, что я просто вернулась в собственный дом, за которым в мое отсутствие присматривала Теган. За свою невероятно долгую жизнь я мастерски научилась уходить от ответов на неудобные вопросы и держать окружающих меня людей на расстоянии. Мне не всегда бывало легко так поступать, но у бессмертия есть своя цена, и большая ее часть — это замкнутость. Думаю, преграды, что я возвела вокруг себя, смогла преодолеть лишь Теган. Она и положила конец терзающему меня одиночеству, к которому я привыкла за долгие столетия.

После поездки мы обработали дом и развесили над дверями и окнами пучки трав, чтобы отпугнуть незваных духов и гостей. А потом распили на кухне бутылку плодового вина, и я попросила Теган рассказать, чем же она занималась, где была, что изучила с тех пор, как мы в последний раз виделись.

— Сперва я не знала, что делать, — призналась Теган.

— Конечно, после всего, что ты пережила. Ты была в ужасе.

— Я скорбела, — поправила она.

Ее обиженный взгляд буквально пронзил сердце. Заметив это, Теган смягчилась.

— Но я понимала, что мне ничего не грозит. Я... я понимала, что ты сделала и почему. Ты меня защищала. — Она отпила вина. Алоизиус запрыгнул ей на колени и принялся чистить усики. — Я пыталась понять, чего бы ты от меня хотела. Ты оставила мне дом. Да, очень важно иметь собственный угол. Но что я должна с ним делать? Не сидеть же в четырех стенах. Для начала я стала торговать за твоим прилавком и вполне сводила концы с концами. Когда люди спрашивали, где ты, я отвечала, что ты уехала навестить родню.

— А твоя мать не была против, что ты перебралась сюда?

Теган покачала головой.

— Она уже понимала, что скоро я покину дом. Так вот, спустя какое-то время я вдруг поняла, что мне нужно больше запасов. И их надо готовить. Как бы ты хохотала, если бы

видела, какой кошмар я тут развела! — Теган снова взглянула на меня. — Кстати, а ты видела? Ты наблюдала?

— Наблюдать за любимыми из Летних земель нелегко, и далеко не всякому позволено хотя бы попытаться. Я изо всех сил старалась связаться с тобой, когда ты отмечала дни солнцестояния или равноденствие.

— Так и знала! Я иногда тебя чувствовала, прямо рядом с собой. Но тогда я еще не могла толком дотянуться.

— Ты быстро преодолела огромный путь, но даже опытным ведьмам тяжело установить подобную связь.

— Я так и поняла. И как раз осознала, что должна делать. То есть я, наверное, могла бы хоть вечность жить здесь и продавать масла с настойками... однако мне хотелось большего. Поэтому я решила поискать сведущих в магии людей и поучиться у них.

— Ты просто приставала к незнакомцам с просьбой передать тебе их знания?

— Можно подумать, с тобой я вела себя иначе, — рассмеялась Теган.

Я улыбнулась, вспоминая эту несуразную девчонку с бесконечными вопросами. В ней сквозило нечто настолько располагающее, что мне всегда было трудно ей отказать.

— Как же ты их находила?

Теган пожала плечами:

— Двадцать первый век на дворе. Полезла в Интернет.

— В жизни не поверю, что настоящая ведьма открыто признается, кто она такая!

— Конечно, там полным-полно странных типов, но если немного покопаться... поговорить с кем-то, кто знает еще кого-то, порасспрашивать, не сидеть на месте... удивительно, сколько всего можно обнаружить. Если найти правильный подход.

— И если иметь правильную ауру, — добавила я. — Настоящие ведьмы тут же узнают, кто перед ними стоит.

— Вот прямо сразу?

— Да. Если они истинные. Представляю, сколько шарлатанов и самозванок тебе встретилось, прежде чем ты нашла, что искала.

— Ой, этих легко вычислить, если знать, как их проверить, — сообщила Теган с блеском в глазах.

— Уверена, в процессе ты отточила все свои навыки.

Я долила в бокалы вина. Его тонкий букет заставлял вспомнить о позднем лете и цветущем саде. Вино не было очень уж крепким, однако приятно расслабляло и мышцы, и разум.

— Как думаешь, какая магическая система подошла тебе больше всего?

— В каждой, конечно, было нечто привлекательное и полезное. Но, знаешь, я все время возвращалась к тому, чему учила меня ты, к Викке, к целительским заклинаниям. Ты помогала мне слиться с природой... благодаря этому я легко нашла общий язык с шаманами. Та, что живет в Сибири, тебе точно понравилась бы! Ты бывала в Сибири?

Я покачала головой, и Теган увлеченно продолжила, сияя от воспоминаний об увиденных чудесах:

— Я три месяца прожила с якутской шаманкой, в России, но за тысячи миль от Москвы. Одна дорога заняла недели. Земля там нетронутая, дикая, сразу чувствуешь, насколько человек крошечный и незначительный. Теперь я на многое смотрю иначе. А как шаманка общалась с духами этих мест!..

— Наверняка без переводчика было нелегко.

— Мы говорили на одном языке, языке магии, нам хватало. А потом я отправилась в Америку. Мне подсказали имя колдуна худу из Луизианы. Представить невозможно, насколько у них все иначе, но какой силой они обладают! В позапрошлом году я жила на крошечном острове недалеко от Западного Уэльса и провела все ритуалы и церемонии викканского календаря. Это было так прекрасно! А недавно я как раз, ну... кое-откуда вернулась, от кое-кого просто замечательного!

Мы продолжали говорить. Теган рассказывала о своих приключениях, а я слушала. Теперь мне стало ясно, как она настолько изменилась в мое отсутствие. И я видела, как внутри ее сияет магия. Та искра, та крупица магических способностей, которую я разглядела в нашу первую встречу, благодаря знающим людям превратилась в бушующее пламя. Теган стала блестящей ведьмой, обученной и сильной. Может, теперь мы вместе действительно сможем противостоять тьме Гидеона. Той ночью я легла спать, цепляясь за крошечную, светлую надежду, что так все и будет.

Теган

До сих пор не могу поверить, что она вернулась! Что она здесь, что Элизабет и правда вновь со мной. С ума сойти. Правда, за последние несколько лет случалось всякое и покруче. Но все началось именно с нее, с этого дома. И с Гидеона. Смогу ли когда-нибудь вспоминать о нем без дрожи? Что я тогда чувствовала? Злость, конечно, ведь он меня обманул, а потом чуть не убил нас с Элизабет. Ненависть? Ага, и ненависть. А еще я была напугана. На моем месте только псих бы не испугался. Помню, как сложно было провести Гидеона, как мы еще чуть-чуть и не справились бы. И той ночью в Бэткомском лесу все закончилось бы совсем по-другому. А сейчас ему кто-то помогает. Кто? Зачем? Он придет в коттедж «Ива», однозначно. Тут Элизабет права. Ладно, мы будем готовы. И на этот раз покончим с ним навсегда.

Я больше не безалаберная девчонка. Я сильно изменилась, причем во многих важных отношениях. Если бы Гидеон об этом знал, он бы хорошенько подумал, прежде чем снова лезть к нам с Элизабет. Раньше, в начале моего пути, когда я только начинала понимать, что значит по-настоящему быть ведьмой, Элизабет приходилось за мной приглядывать. Но с тех пор я не сидела сложа руки. Я путешествовала, жила в незнакомых местах и многому научилась. Значит, пришло время использовать новые умения. Проверить, не зря ли внимала учителям и упражнялась. Интересно, какая магия, какая часть меня самой пригодится мне больше всего? Я эклектическая ведьма, а значит, у меня целый мешок всяких трюков. Да, некоторые люди насмеялись над тем, как я колесила по миру, изучала разные страны и разные виды магии. Меня за это не раз критиковали. Что я разбавляю искусство чем попало. Что смешиваю системы и верования. Что не верна одному пути. Ну, зато я нашла собственный — взять все лучшее из того, что я почерпнула у могущественнейших ведьм. В глубине души я знала, кем должна стать, для какой магии рождена. И я совершила новое открытие. Я рисковала. Очень.

Два года до внезапного возвращения Элизабет стали для меня действительно важными. Сперва я обнаружила островок у западного побережья Уэльса. Он ни капли не был похож на тропический рай с пальмами и чистыми берегами, куда обычно попадают жертвы

кораблекрушений. Мой остров — глыба из гранита и песчаника, с голыми скалами, что на двести футов возвышались над серыми водами бурного Ирландского моря. От края до края в нем было меньше мили, и он напоминал огромный камень, покрытый мхом. Я выбрала этот крошечный островок потому, что раньше там жил монах-отшельник и до сих пор еще стояли остатки дома, где он обитал сотни лет назад. Я искала место, где найду убежище на целый год и смогу соблюдать все традиции языческого календаря, жить как можно проще. Где буду только я, небо, море, ветер и возможность размышлять, работать над моими способностями. Наверное, нечто тянуло меня туда. Я несколько месяцев искала инстанцию, у которой смогла бы выклянчить разрешение там пожить. Естественно, большинство считало, что у меня поехала крыша, а психов никто не принимает всерьез. После бесконечной череды захлопнутых у меня перед носом дверей, безответных писем и имейлов, так и не случившихся встреч и одетых в костюмы людей, которые отвечали мне «нет», я решила сменить тактику. Я присоединилась к экологическому движению и предложила исследовать природу на острове: мол, собранная информация поможет «зеленым» в их деле... Бинго! Двери начали открываться. Никто не отменял встречи. А через несколько недель меня высадили на единственном клочке острова, где можно сойти на берег. Никогда не забуду полнейшую эйфорию, которая меня охватила, когда я увидела, как мне машут с отплывающей лодки, и поняла, что меня ждет двенадцать месяцев одиночества.

Я понимала, что готова выживать. У меня за плечами были три года пеших путешествий, восхождений в горы и ночевок в дикой местности, причем зачастую я делала все своими силами. Я накопила столько знаний и умений, столько магии, что мне было нужно побыть одной и во всем разобраться. Остров назывался Крейг-а-Дью, что в переводе с валлийского означает Божья Скала. Впрочем, жители побережья окрестили его «Богом забытая скала», и неудивительно. На острове почти не росли деревья (вернее, их нашлось всего четыре, старых и изогнутых), так что под кроной не спрячешься и дров для костра не нарубишь. Почва плохая, единственный источник воды (крошечный ручеек) летом пересыхал, и обитали там лишь чайки и горстка отважных мышей. Ну, и на год там поселилась некая все более неприветливая ведьма. Да, и Алоизиус, конечно, которому ни капли там не нравилось. Свое недовольство он выражал тем, что стал меня кусать, причем часто. По возвращении в коттедж «Ива» от этой привычки не осталось и следа.

Я приплыла на Крейг-а-Дью в августе, поэтому времени, пока погода не испортилась, у меня было маловато. Мы разработали целую систему, чтобы власти не беспокоились о моей безопасности, экологи не сомневались в моей пользе, а я спокойно жила в одиночестве. Раз в месяц к острову прибывала лодка с припасами — едой, дровами, газовыми баллонами, — и отчаливала с образцами растений, которые я заранее собирала. Большинство необходимых данных я отправляла через Интернет на ноутбуке с солнечной батареей. Еще у меня был спутниковый телефон для экстренных случаев, хотя я слегка горжусь, что он мне пригодился лишь для переговоров о том, когда лодке лучше приплыть. Погода была непредсказуемой, планы нам приходилось менять достаточно часто. И больше я ни с кем не контактировала. Мне так понравилось! В каменном доме отшельника было удобно хранить запасы, зимой — дрова, чтобы они не отсырели, а летом — еду, но для жилья он оказался непригоден. Куда ему до ультрасовременной палатки, которую я привезла с собой. Я устроила ее рядом с той лачугой, и мой небольшой лагерь вышел куда удобнее многих других, где я успела побывать. Кострище я расположила у входа в каменную постройку, чтобы иметь возможность сидеть у огня и под небом, и под кровлей. Еще у меня была маленькая газовая плита — необходимая

уступка, учитывая, что долго поддерживать огонь естественным способом было невозможно. За лагерем я выкопала нужник. Сперва мне было ну очень странно вот так усаживаться на открытом воздухе, но от кого мне прикрываться? Я повесила брезент, чтобы не мокнуть под дождем, и на удивление быстро привыкла к туалету с таким шикарным видом. О, что это был за вид! Кругом до самого горизонта океан и едва заметная полосочка побережья Уэльса на востоке.

Такая жизнь меняет тебя навсегда. Ты подчиняешься ритмам, которые выбирает за тебя природа. Дневной свет диктует тебе, когда ходить, работать, ложиться спать. Всем островом правит погода (милостивая Богиня, что за погода!), и забывать об этом можно только на свой страх и риск. Птицы поселились там куда раньше, поэтому лучше привыкнуть, что ты гость, и научиться терпеть их пронзительные крики, а летом — еще и вонь. Сперва они меня прямо испытывали, нарушали покой, за которым я туда прибыла. Однако со временем мне странным образом стало нравиться их общество, и они смирились с моим присутствием. Каждый день я просыпалась на рассвете, заваривала травяной чай, а потом бродила по острову, заносила в блокнот данные о видах птиц и собирала образцы. Потом возвращалась в лагерь и наконец завтракала. Еда была жуткой, никогда не забуду! Летом я выращивала чуть-чуть зелени, но по большей части мне приходилось питаться армейскими сухпайками и консервами. Впрочем, этого хватало. На самом деле мне даже пришлось по душе то, как я потеряла интерес к еде. Еще одним отвлекающим фактором меньше. Потом я могла заниматься чем угодно. Обычно я тихонько сидела, обращаясь к Богине или стараясь уловить шепоток других ведьм или духов. То, что я слышала, мысли, проникающие мне в голову, и возникающие чувства задавали настроение всему дню. Иногда я понимала, что мне необходимо отработать какое-нибудь заклинание. Я произносила надлежащие времени года или событию заговоры. Временами, по вечерам, я отдавалась во власть луны, чтобы ее прозрачные лучи выявили во мне магию, которой пора вырваться на волю. Мне было замечательно. В бескрайнем небе кружили поморники. На низких скалах парами ютились тупики. Среди жесткой травы проросли прекраснейшие храбрые цветочки, порой настолько редкие, что их не найти больше нигде во всем мире. Эдакий первобытный рай. Я с благодарностью принимала каждый день, даже когда ветер чуть ли не сносил палатку, даже когда мне стало плохо, и я пролежала под брезентом двадцать четыре часа подряд, даже когда у меня болели зубы, или я просыпалась от кошмаров, или мне страшно хотелось шоколада или бокал пива. В тяжелые минуты я обращалась к тому, что изучила, к своей магии. И каждый раз, справившись с трудностями, я понимала, что теперь я сильнее. Теперь я лучше как обычный человек и искуснее как ведьма.

А однажды весной, спустя много месяцев на острове, когда я уже была закаленной и тощей, обзавелась мозолями, но оставалась по-прежнему бодрой и вполне привыкла к одинокому существованию, я обогнула смотрящие на запад скалы и обнаружила гостя. Настоящее потрясение — увидеть перед собой другого человека, словно его только что сбросили на парашюте. Он стоял и смотрел на меня так спокойно... Я завизжала. Хорошо это помню. Я визжала, как самая настоящая девчонка, очень некруто. Незванный гость оказался стариком, прямо древним, похожим не на обычного дедушку, а на библейского мудреца. Он был слегка щуплым, ниже меня ростом и с впечатляющей бородой. Так вот, я все не могла понять, как сюда вообще кто-то попал, не говоря уже о человеке, который на вид с трудом по лестнице способен подняться, куда там по тропинке с берега до верхушки утеса. Одновременно я пыталась подобрать хоть какие-то слова. А он все смотрел и улыбался,

демонстрируя на удивление хорошие зубы и морщинки в уголках губ. Поэтому я подумала, что он, наверное, слегка чокнутый. Как он тогда добрался на Крейг-а-Дью, да и где его лодка? Или самолет? Или на чем он вообще, черт возьми, мог прибыть? Да, конечно, стоял теплый солнечный денек, но на старике не было соответствующей одежды и альпинистской обуви, только грязная футболка «Роллинг Стоунз», короткие шорты и дешевые кроссовки. Будто чертов Робинзон Крузо из комиссии. Наверное, он устал ждать, пока я наконец заговорю, поэтому развернулся и пошел по тропе, а затем прокричал через плечо:

— Давай уже! Быстрее. У нас мало времени.

Я поплелась следом.

— Погодите! Вы о чем? Да и вообще, вы кто? Как вы здесь оказались?

Он передвигался достаточно быстро для столь древнего возраста, и мне пришлось ускорить шаг.

— Ты всегда задаешь так много вопросов? — спросил он на ходу.

— Что? Нет. Просто я не ожидала никого встретить. Здесь все же не автобусный маршрут.

— Тебя легко найти.

— Значит, вы меня искали? То есть... вы не просто так приплыли на остров? — Я выругалась, споткнувшись о камень. — Вы не могли немного сбавить темп? Остановимся, поговорим...

— Нет времени! Нет времени! — отозвался старик нараспев, уверенно стремясь вперед и явно ожидая, что я буду за ним следовать, несмотря на то, что даже не знаю его имени.

Что странно, я действительно за ним шла. Я хотела идти. Должна была. Даже не из любопытства, не потому, что меня удивило его появление на острове, не потому, что ждала какого-то объяснения. Я знала, просто знала, что мне надо идти за ним, куда бы он меня ни привел. Мы добрались до противоположного от моего лагеря края, к северо-восточной точке. Оттуда уже нельзя было разглядеть побережье Уэльса. Впереди открывалась бесконечная водная гладь и отражающееся на ее серо-голубой поверхности низкое солнце. Птицы не вили гнезда на этой стороне острова; я слышала лишь, как волны мягко омывали серые глыбы в сотнях футов внизу.

Старик выбрал плоский камень в паре шагов от края утеса и устроился на нем, скрестив под собой ноги.

— Садись, — похлопал он рядом с собой.

Я покорно опустилась на камень, и некоторое время мы просидели молча — старик ничего не говорил, а я не задавала вопросов, которые разрывали меня изнутри. У меня возникли две версии. Либо этот старик псих, либо кто-то очень важный. Причем шансы были пятьдесят на пятьдесят. Я ждала. По-прежнему молча он достал из одного кармана кiset, а из другого — щербатую трубку. Затем бережно и тщательно наполнил чашечку табаком и закурил, убедившись, что она набита идеально. Теплый весенний ветерок уносил дым, однако я уловила слабый запах лакрицы и пряностей. Я твердо решила не поддаваться своему безумному любопытству. Старик сказал, что искал меня. Что ж, нашел. Пусть теперь объясняется.

— Был некий друид, известный под именем Гвинвор, — сообщил он.

Не это я надеялась услышать, но старик хотя бы заговорил.

— Он жил в паре лиг отсюда, на побережье. Его уважали, можно даже сказать, почитали. Он с великим достоинством проводил церемонии, соблюдал законы друидов и

давал советы тем, кто прибывал, дабы стать его учеником, кто искал помощи в своих трудностях.

— Интересно, — неуверенно отозвалась я.

— Беда заключалась в том, — продолжал старик, — что Гвинвор на самом деле не верил.

— Правда?

— Ну, он многое знал, мог рассказывать о вероучении, читать молитвы и так далее хоть до посинения, и, если его спросить, он ответил бы, что всем сердцем, разумом, душой верит в высшие силы. Однако...

Старик глубоко затаился, прикрыв глаза и задумавшись.

— Однако? — попыталась я навести его на мысль.

— Он не верил в себя.

— Хм.

И снова тишина. Мимо пролетела, направляясь к южным гнездовищам, чайка. Старик покачал головой.

— Все знания, вся ученость и мудрость... и он все равно не знал, где его место. Он был лишь ходячей библиотекой, подборкой знаний, к которым при надобности мог обратиться любой человек. Гвинвор не понимал сути. Истинной ценности даров, данных ему свыше.

— Да?

— Он не осознавал, что он не просто хранитель учения, он сам — учение. Их нельзя разделить, как нельзя это сделать с гладью озера и отражением луны на ней.

Старик наконец повернулся ко мне и кивнул, словно объяснил все предельно ясно и я должна была все понять. Вот только я не понимала. Пока он не задал следующий вопрос:

— А что насчет тебя, Теган? Ты просто сервант для всего, что изучила, или стала этим всем сама?

Пристальный взгляд старика пугал.

— Как вы узнали, что я здесь? — наконец спросила я, не в силах больше сдерживаться. — Почему вы пришли? И как сюда добрались?

Старик поднялся и шагнул к обрыву. Я машинально последовала за ним. Мне казалось, он вот-вот упадет, а его самого совершенно не волновало, что еще пара дюймов, и он разобьется насмерть. Старик даже не смотрел на осыпающийся край тропинки, а по-прежнему не сводил с меня взгляда.

— В тебе заключена невероятная магия, Теган. Западный ветер уносит ее с твоим дыханием, магию впитывают поры твоей кожи, твоя душа звенит ею, да так, что звучание отдается в костях. И ты все равно не веришь в себя. Только ты можешь принять данные тебе дары, дитя. Только от тебя зависит, сможешь ли ты наслаждаться собственной необыкновенной силой. А когда сможешь, когда наступит момент прозрения, ты станешь собой. Ты станешь Теган Хедван, «красавицей, что умеет летать».

— Но я...

Я не успела закончить предложение. Старик, от которого я не ожидала такой силы и скорости, шагнул вперед и уверенно столкнул меня с обрыва.

И я рухнула вниз.

Мысли спутались. Вопросы, проклятия, молитвы, паника, страх, грусть, сожаления, — все вмиг смешалось в один клубок. Я проносила мимо острых гранитных скал, или же они мимо меня; я ли летела к безжалостным камням, или они приближались ко мне — в то

жуткое мгновение мне было все равно. Благоразумие, планы на жизнь, на день, что уготовила мне судьба — ничего больше не имело значения, ведь меня ждала верная смерть.

И вдруг я услышала напев шаманки, которую искала по всей Сибири. Смех ведьмы-худу из Луизианы. Зов сестер-ведьм со всех уголков земли, они звали меня по имени. Но громче всего прозвучал единственный сильный голос. Она произнесла лишь слово.

Лети!

Я вспомнила Элизабет, как она когда-то взяла меня за руку, и мы взмыли к ночному небу, как мы парили и скользили по воздуху.

И я взлетела.

А когда наконец приземлилась на вершину утеса, старика уже не было.

3

В следующие дни мы полностью сосредоточились на своей защите. К концу месяца луна начала расти. Да, до весеннего равноденствия оставалось еще несколько недель, и кругом лежал снег, но воздух уже пахнул просыпающейся жизнью, обновлением и расцветом. Настало время сделать подношение Богине и попросить ее заступничества. На кухне мы собрали необходимые для ритуала вещи — свечи, воду из священного источника, побег тимьяна и лаванды, квадратный кусочек шелка — и стали ждать, пока ночная тьма не окутала всю деревушку. Мой алтарь находился в саду за домом — обрамленный изгородью камень и родник, где Теган когда-то увидела истинное обличье Гидеона. Пламя белых ритуальных свечей подрагивало на холодном воздухе, отбрасывая крошечные пляшущие тени. Я вглядывалась в огоньки и вспоминала пожар, охвативший Бэткомский лес пять лет назад. При свете дня мы, стоя на вершине низкого холма, увидели бы нетронутые верхушки, однако в лесу наверняка остались деревья, что хранили на себе шрамы той ночи. Пахло маслянистым ладаном. Теган начала читать молитву Богине, взывая с просьбой дать нам силы, предупредить об опасности, защитить нас своей непоколебимой любовью. Я сложила травы в центр кусочка шелка, накрыла их уголками ткани и подождала от пламени свечи. Шелк зашипел, вспыхнув, и я бросила его в воду.

— Благослови нас своей мудростью, — тихо произнесла я. — Надели нас своей силой. Яви нам то, от чего мы должны уберечься.

Мы с Теган устали на небольшое озерцо. Его поверхность подернулась рябью, втягивая угольки и пепел подношения. Поблескивающая вода отражала лишь тусклый свет луны, который вдруг стал розоватым, затем ярко-оранжевым и, наконец, насыщенно-красным. Страшная алая вода кипела и бурлила, словно кто-то развел под ней огонь. Я охнула — от пузырей исходил тошнотворный запах. Мы с Теган отшатнулись, не желая вдыхать ядовитые испарения.

— Он рядом и желает нам зла. Я бы даже сказала, смерти, — произнесла Теган, не в силах молчать о том, что мы обе ощутили. — Думаю, мы сами напросились, — добавила она якобы беззаботно, однако вышло не очень убедительно.

Ни я, ни она не хотели больше заговаривать о том, что открылось нам той ночью, пусть мы очень хорошо понимали всю важность подобного знака. Что можно было еще сказать? Тень Гидеона опережала его самого. Она нависала над нами в самые солнечные дни и в мягкой темноте ночи. Мы жили в постоянном страхе. Именно поэтому мы, в конце концов, и

попросили Богиню о помощи. И мы никуда не ходили в одиночку. Я просыпалась от малейшего шороха, а Теган повсюду брала с собой излюбленный резной посох.

Два дня спустя мы до вечера работали на кухне — готовили кисло-сладкую приправу чатни из остатков зимнего запаса яблок. Дело это было несложное и умиротворяющее, зато результатами нам предстояло наслаждаться несколько месяцев. Когда мы справились, кухня уже настолько пропахла уксусом и специями, что мы решили перебраться в небольшую гостиную в передней части дома. Теган разожгла камин, и мы устроились в потертых, но удобных креслах, потягивая из кружек пастернаковый суп-пюре. Даже в свете пламени я не могла не заметить темные круги под глазами Теган и бледность ее мягкой юной кожи.

— У тебя усталый вид. Давай я подыщу тебе что-нибудь для лучшего сна.

Теган покачала головой.

— Я в порядке.

Алоизиус влез на подлокотник ее кресла и принялся грызть кусочки хлеба, которые его там дожидались.

— Тебе нужно хорошо отдохнуть, если...

— Если нагрянет Гидеон? — Теган уставилась в огонь. — Какое уж тут «если»? *Когда* Гидеон нагрянет. И я буду готова.

— Мы будем готовы.

— Завтра надо снова окурить все комнаты. Шалфеем и розмарином.

— Как тебе угодно.

— И я подумываю завести собаку.

— Собаку?

— Большую такую. Лучшая охранная система в мире.

Я сделала глоток.

— Не знаю, настолько это понравится Алоизиусу.

— Или даже двух, — продолжила Теган, пропустив мои слова мимо ушей. — Да, лучше парочку, правда?

На меня вдруг будто навалилась тяжесть. Предупреждение, которое нам показали в воде, было предельно ясным. Гидеон в пути, и мы не в силах ему противостоять. Никакие наши планы, заклинания и собаки хоть со всего графства не сумеют его удержать. Гидеон придет за Теган, уже не уверенный, что я способна ее защитить. Я отставила чашку и подалась вперед.

— Знаешь, мне кажется, нам надо изменить планы.

— Изменить?

— Да. Теган, тебе лучше уехать.

Она наконец перевела взгляд на меня.

— Поверить не могу, что тебе такое вообще в голову пришло!

— Ты видела предзнаменование. И ты знаешь, о чем оно говорит.

— Я знаю, что он попытается сделать. Не факт, что он добьется своего.

— Он очень силен. Он помешан на власти и гонится за ней всю свою долгую, темную жизнь. Он не потерпит помех своему стремлению стать искуснее и опаснее любой ведьмы.

— Ты тоже сильна.

— Я даже с помощью сестер не смогла удержать его в плену. Мы не знаем, кто на его стороне. Мы не знаем, с чем столкнемся.

— Нет, я никуда не уеду, Элизабет. Я уже не глупая девчонка, которая играет с травами и

фокусами. Я в состоянии за себя постоять.

— Теган...

— Я не сбегу! — Она вскочила на ноги. — Я не позволю ему всю жизнь на меня охотиться, как...

Теган умолкла, и я закончила предложение за нее:

— Как позволяла ему я.

— Я не сбегу, — повторила Теган с такой твердостью, что меня охватили одновременно и гордость, и страх за нее. — Я не стану так поступать. Я... я уверена, что на этот раз смогу выстоять, Элизабет. У меня есть магия, которую мне еще не довелось испытать. Несколько недель назад, даже дней, я сказала бы, что не готова. Я правда не знаю, что удастся сделать, но слушай, похоже, у меня появился шанс выяснить.

Я тщательно подбирала слова, вспоминая, какую же магию ощутила, когда коснулась ее руки.

— Теган, я понимаю, что ты... изменилась.

— Как раз это я и пытаюсь тебе объяснить...

— Однако, как ты сама сказала, большая часть твоей магии совсем новая, неиспробованная и неиспытанная.

— Да.

— А когда используешь новые навыки, всегда есть риск. Что ничего не сработает, что магия нанесет вред — не человеку, против которого она направлена, а тебе самой.

— Да знаю я! — крикнула Теган и на мгновение закрыла глаза. — Прости. Давай не будем ругаться. — Она помолчала, а потом вымучила улыбку. — Уже поздно. Пойду спать.

— Закончим разговор утром.

— Здесь не о чем больше разговаривать, — сказала Теган, забирая Алоизиуса и покидая комнату. — Я не намерена бежать.

Я еще немного посидела, собираясь с мыслями. Какая она бывает упрямая! Разве Теган не видит, в какой опасности находится? Несомненно, ей лучше уехать, убраться от греха подальше, может быть, навестить ведьм, у которых она училась где-нибудь далеко отсюда. И в то же время я восхищалась ее храбростью. Я сменила дюжину личин, прежде чем нашла в себе силы открыто выступить против Гидеона. И в конце концов, разве не ради Теган я это сделала? Чтобы ее защитить, мне пришлось просто-напросто пойти на большее.

Меня вдруг охватил болезненный холодок. Поднявшийся снаружи ветер завыл в дымоходе, и в комнату проник дым. Он пульсировал и неестественно клубился, словно пытаюсь обрести форму. Комнату будто сковал лед. Что-то сдавило грудь, и я еле дышала, боясь умереть в этих тисках. Я с трудом встала и, держа руки перед собой, воззвала к Богине за помощью, чтобы изгнать зло из моего дома.

А потом все исчезло. В комнате вновь воцарились тишина и спокойствие, разве что набатом стучало мое перепуганное сердце.

Той ночью я не сомкнула глаз. Я даже не стала ложиться в постель и, чтобы не задремать, сидела на деревянном стуле в кухне. Гидеон рядом. Я его чувствовала. Временами я слышала шепот. Я уже подумывала, не разбудить ли Теган, но решила, что лучше не стоит. Пусть она отдохнет перед тем, что случится утром. Пока мы в доме с закрытыми дверями и окнами, пока я несущая стражу, Гидеону не пробраться. Ночная тьма придает ему сил, поэтому выходить мы могли только при свете дня, только вдвоем и начеку.

Как я это допустила? Почему ситуация сложилась так, что нам вновь придется с ним

столкнуться? Что я должна была сделать, чтобы уберечь Теган от смертельной опасности?.. Обнаружив меня на кухне, она сразу поняла, что дела наши совсем плохи.

— Элизабет! Ты в порядке? Что случилось? Ты его видела? Он был здесь? — Теган опустила на колени и схватила меня за руку. — Почему ты меня не позвала?

— Со мной все хорошо. Прошу, не беспокойся.

— Он побывал здесь, так?

— Где-то рядом, — кивнула я.

— Он тебя ранил?

Я покачала головой.

— В доме мы под защитой.

Теган встала.

— Нельзя же вечно тут сидеть.

— Гидеон не так силен при свете солнца.

Она принялась мерить кухню шагами. Мысль о заключении в четырех стенах не давала ей покоя.

— Жаль, мы не можем заставить его сразиться с нами днем. Должен же быть способ его выманить. Боже, как я хочу с ним разобраться! Раз и навсегда.

— Осторожней с желаниями.

Я поднялась и наполнила чайник водой, стараясь расшевелить затекшее тело. Отодвинув заслонку, я сунула в печь яблоневое полено. Корзина с дровами осталась пуста.

— Сейчас принесу. — Теган сняла пальто с крючка на двери и влезла в сапоги.

— Погоди...

— Элизабет, мы не можем постоянно сидеть взаперти. Все будет хорошо. Я просто принесу дров.

Я проследила за Теган взглядом, понимая, что она права. Нельзя превращаться в узниц в собственном доме. И все-таки сердце забилося чаще, стоило мне подумать, что Теган там одна. Я поспешно оделась и тоже вышла в сад. Теган уже колола дрова у дальней огородной грядки, легко управляясь с топором. Каждый удар попадал точно в цель, отделяя куски сухой древесины. Я содрогнулась — перед глазами возник образ Гидеона за тем же занятием, давным-давно, в глубине Бэткомского леса. Тогда я была еще младше Теган.

— Нам нужно молоко, — сказала она, даже не запыхавшись, — и масло. Схожу в магазин, как закончу.

Теган избегала моего взгляда, но я и так все понимала. В ее мыслях поселилась навязчивая идея выманить Гидеона, где бы он ни скрывался, заставить его раскрыть карты при свете дня. Теган уже заявила, что не собирается убегать. Теперь мне стало ясно, что ждать она тоже не намерена.

— Я пойду с тобой.

— Пинту молока может и один человек принести, — произнесла Теган, повернувшись ко мне.

— Я пойду с тобой, — настойчиво повторила я.

За годы моего отсутствия деревня почти не изменилась. По грязи по-прежнему бродили утки, которым местные бросали крошки и объедки. Несколько стоящих в ряд домов из красного кирпича были припорошены снегом, а коттеджи с соломенными крышами и вовсе под ним скрылись. Типичная английская деревушка, как на красивой старомодной картинке, однако в каждой тени, за каждым углом мне чудилась опасность. Если Теган и охватило

столь же обостренное беспокойство, она не подавала виду. По дороге неспеша проехал белый фургончик, из-под колес летел тающий снег. Я невольно глянула на водителя. Кого я ожидала увидеть за лобовым стеклом? Сменит ли Гидеон внешность или нагло предстанет перед нами в собственном облике? Высокомерный, скорее он выберет последнее. Сверкнувшее в стекле солнце не дало ничего разглядеть. Мимо пропыхтел отважный любитель бега трусцой, и я шагнула ближе к Теган. Она взяла меня под руку.

— Все хорошо, Элизабет. Все правда будет в порядке, — шепнула Теган. Это кто же кого защищает?

В магазине Теган начала наполнять металлическую корзинку товарами первой необходимости. Я изо всех сил старалась сосредоточиться на наших запасах, но меня охватила настолько сильная тревога, что ничего не выходило. Молодая женщина обогнула прилавок, глянув в мою сторону. Ее зрачки совершенно точно вспыхнули алым. Я последовала за ней, однако увидела, как она радостно болтает с владельцем магазина. В дверях показались шумные подростки, добродушно пихающие друг друга; мне почудилось, что у одного неестественно острые зубы, а у другого подозрительно длинный язык. Похватав товары с полок, я поторопила Теган к кассе. Ведьмовское чутье меня не обманывало. Я знала, что никто из посетителей магазина на самом деле не опасен; предупреждающие знаки были вызваны близостью угрозы. Гидеон рядом, и он не намерен отступать. Причем его цель — Теган, а не я.

Вернувшись домой, мы застали на лестнице человека. Теган улыбнулась, услышав, как я охнула.

— Это всего лишь Тед, — сказала она мне. — Он моет окна в деревне. Доброе утро, Тед! — крикнула она ему.

Мужчина перестал радостно насвистывать и помахал нам губкой, а потом вернулся к работе.

— Элизабет, у тебя паранойя. Именно это Гидеону и надо. Я не собираюсь так жить, — заявила Теган, унося покупки в дом.

Я задержалась, наблюдая за мойщиком окон. Он спустился с лестницы и подошел.

— У вас не найдется воды? — спросил Тед, протягивая желтое ведро.

— Конечно, — кивнула я.

Отдав ведро, он принялся натирать небольшое окошко во входной двери сухой тряпочкой. Я обогнула дом и набрала воды из поливочного крана, убеждая себя, что Теган права. Я слишком остро реагирую. Конечно, надо быть начеку, однако мы не можем подозревать всех и вся. Иначе что это будет за жизнь?.. Однако стоило мне перекрыть кран, как я испугалась настолько, что выронила ведро. Вода потекла по дорожке, а я стояла и прислушивалась, чувствуя подкатывающую к горлу тошноту, к знакомой мелодии, которую теперь насвистывал мойщик окон. Сперва я думала — я надеялась, — что мне показалось. Но нет. Это была та самая песня. «Зеленые рукава». Песня Гидеона. Я побежала обратно, не представляя, что буду делать. Ясно одно: надо сразиться с ним снаружи, под открытым небом, и не подпустить его к Теган.

Обогнув дом под по-прежнему доносящееся насвистывание, я с изумлением увидела, что Тед лежит на земле и не шевелится. Страшная мелодия срывалась не с его губ. Тед не дышал, и, коснувшись его, я сразу поняла, что он мертв. В его взгляде застыло изумление, словно он оступился и упал с лестницы. Но ведь он работал внизу, пока ждал воду, он ниоткуда не падал. Мелодия оборвалась.

— Теган! — крикнула я, бросаясь к кухонной двери.

В коридоре, в лужицах талого снега, стояли ее сапоги. На плите свистел чайник.

— Теган? — позвала я.

Она не ответила. Я вбежала в гостиную. А вот и следы борьбы — опрокинутый столик, сметенные с каминной полки сломанные подсвечники и курильницы. Воняло чем-то едким, мускусным, отчего меня чуть не стошнило. Теган пропала. Не просто вышла из комнаты или из дома — ее выкрали. Я это знала, чувствовала. Ощущала, как между нами растет бездна расстояния, словно Теган вмиг перенесли куда-то далеко.

В камине что-то шевельнулось, и я чуть не подпрыгнула от неожиданности.

— Алоизиус!

Я вытащила мышонка из камина. Бедняга дрожал, весь черный от сажи и пепла, но целый, и вопросительно смотрел на меня. Теган никогда бы его не оставила. К глазам подступили слезы. Я позволила Гидеону ее забрать! На мгновение мне послышался ее голос — она звала меня.

— Я найду тебя, Теган! — обратилась я к ней. — Где бы ты ни была, не падай духом. Обещаю, я за тобой приду!

4

Дом казался до боли пустым. Не то чтобы я не привыкла к одиночеству; на самом деле я поневоле была одинока почти всю свою долгую жизнь, однако сейчас я слишком остро ощущала, что Теган нет рядом. Во мне бурлила бессильная ярость на Гидеона и на саму себя, ведь я так колоссально ее подвела. К этому примешивалась доводящая до паники тревога о том, что ей придется вынести, пока я ее не найду. И, наконец, мне не хватало Теган, словно на ее прежнем месте образовалась дыра. Отчасти потому, что разлука была долгой, а сладкий миг новой встречи оказался столь кратким. Однако дело было не только в этом. Раньше я не понимала, как присутствие Теган наполняло дом, как она украшала каждый его уголок своим необыкновенным духом. Ведь теперь она стала особенной. Обучение и практика пробудили в Теган потаенную магию, дремлющие таланты и дары. Все это, несомненно, усилилось и развилось благодаря близости с могущественными ведьмами, которые посвятили жизнь изучению магического искусства в том или ином его проявлении. Я не могла с уверенностью сказать, насколько Теган осознает собственные способности, но в ней крылась такая энергия, что заряжала воздух вокруг, и сейчас коттедж «Ива» казался скорбным, потухшим местом.

Я тут же принялась искать хоть какие-нибудь подсказки, куда Гидеон мог забрать Теган. Будучи все время начеку, вдруг донесется шепот самой Теган, я прочесала комнату в попытке понять, какой облик принял Гидеон. Прошлой ночью его темная энергия проникла сквозь камин — хватило ли подобного, чтобы схватить Теган? Или Гидеон выбрал более осязаемую форму, явился сам? Перевернутая мебель свидетельствовала о схватке или же Теган просто на нее упала? Алоизиуса отшвырнуло в камин; сделала ли это рука жестокого человека или магическая сила?

Расследование прервали звуки из сада. Выглянув в окно, я с изумлением увидела, что мойщик окон стоит на ногах! Я поспешила наружу. Явно ошалевший — бедняга держался за голову, словно она разболелась, — но совершенно точно живой.

— Тед, вы помните, что случилось?

— Как сквозь туман, честно сказать. Наверное, упал с лестницы. Я упал?

— Совсем ничего не припоминаете?

— Очень странно, я стоял у того окна, а потом вдруг... пустота. И очнулся на спине в снегу. Кажется, ударился головой. Может, я поскользнулся на льду?

Я вздохнула. Тед, очевидно, совсем не понимал, что с ним приключилось, и не прольет свет на то, как Гидеон украл Теган.

— Вы уверены, что никого не видели?

— Вроде не видел.

Тед был совершенно сбит с толку. Заклинание, которое придало ему столь убедительно мертвый вид, серьезно его потрясло.

— Давайте-ка лучше зайдем в дом, — сказала я и, когда он стал возражать, отметила, что ему сейчас никуда нельзя. — Десять минут посидите, попьете чаю. В таком состоянии лучше сразу не садиться руль. И, думаю, хватит на сегодня лестниц.

Я провела Теда на кухню. Сосредоточиться на нем, когда все мое естество переворачивалось от боли, стоило огромных усилий. Как я смею прерывать поиски Теган! С другой стороны, я понимала, что бездумная спешка не поможет мне ее найти. А Тед нуждался в моем внимании, а то еще вдобавок и в аварию попадет. Поэтому я позволила раскрыться своему внутреннему целителю, а как только Тед спокойно уедет, я отправлюсь к источнику и произнесу заклинание, которое покажет, куда пропала моя дорогая девочка.

Так или иначе, надо было дождаться темноты, ведь поисковое заклинание действует лишь при свете луны. К счастью, дни до сих пор оставались относительно короткими, так что уже вскоре после шести часов я пошла к дальнему краю сада. Алоизиус прокатился туда в кармане моего старого шерстяного пальто. Может, мышонок и не знал, что именно я замыслила, однако, похоже, догадывался, что найдет дорогу к хозяйке лишь с моей помощью, поэтому ни на секунду не терял меня из виду.

Безоблачное небо было иссиня-черным и усыпанным яркими звездами. Любезно светила луна. Вновь стало холоднее, и снег под ногами похрустывал. Быстрое течение ручья не давало льду сковать воду. Дневное солнце растопило снег на ветках ореха и остролиста, и теперь с них свисали сосульки, обрамляющие небольшое озерцо в изгибе изгороди. Я хорошо помнила, как по приезде в коттедж «Ива» отбирала плоские камни. На них я и поставила большую свечу из пчелиного воска и простую глиняную курильницу, наполненную можжевельным маслом. Я зажгла их, и воздух тут же пропитался характерным ароматом. Свеча горела мягко и ровно — ее не тревожило дуновение ветерка. Мышонка я опустила на землю. Пусть он и сам был точь-в-точь как крошечный снежок, ему не понравилось стоять лапками на льду. Поэтому Алоизиус поспешно взобрался на изгородь и засел на ветке остролиста, внимательно наблюдая за мной глазами-бусинками.

Я глубоко вздохнула и, смежив веки, раскрыла руки и сердце Богине.

— Под покровом священной ночи я обращаюсь к тебе за помощью, Богиня всех часов и ветров, хранительница чудес природы, хранительница наших потаенных чаяний и грез. Прошу, услышь меня и ответь на мольбу, ведь одна из нашего рода в беде. Ее душа в опасности. Ее жизнь висит на волоске.

Я с надеждой взгляделась в поблескивающую внизу воду. Увы, видений не было. Моих ушей не коснулся шепоток.

Я снова воззвала к Богине. Воцарилась полная, неестественная тишина. Я ждала,

прислушиваясь, не зная, какой именно знак мне явится. Прошла минута. И еще одна. Я повторила слова, медленно и искренне. И осталась без ответа. Да, Гидеон наверняка скрыл свое логово заклинанием, но способен ли он изловчиться и разорвать связь меж мной и божествами, другими ведьмами, к кому я попытаюсь обратиться за помощью? Мысль тревожила.

Внизу у изгороди что-то вдруг шевельнулось. Я шагнула назад, вглядываясь в тени у нижних веток и корней. На лунный свет шагнули три крошечные фигурки. Фейри! Причем именно таких я не видела уже много лет. Они отличались от обычных представителей малого народца, обитающего в этом древнем лесу, меньшим ростом, яркостью и диковинностью. Их тела были покрыты мягкими перышками. Крылышки блестели, словно хрусталь. Двое фейри — мужского пола — стояли по бокам миниатюрной женской особи, чьи глаза словно светились. По ее царственной осанке я сразу поняла, что она принцесса или даже королева, и низко поклонилась. Она ответила коротким кивком. А когда наконец заговорила, ее голос прозвучал чуть ли не до боли резко — я едва не вздрогнула. Нельзя демонстрировать неудовольствие. Я понимала, какую честь мне оказала высокородная фейри тем, что явилась.

— Богиня не может тебе ответить, — сообщила она, — дорога нечиста.

— Значит, как я и думала, Гидеон замел следы сильной магией.

— Он наложил проклятие на слова, что приведут тебя к нему. Никто из нас не может их произнести без губительных последствий.

— Я не стремлюсь подвергать вас риску. Теган тоже такого не захотела бы.

— Я пришла ради Теган.

— Вы ее знаете? — Признаюсь, этого я не ожидала.

Диковинное существо кивнуло.

— Мы несколько лет за ней наблюдали. Она достойна нашего покровительства, и мы ничего не требуем взамен.

— Подобные союзники — настоящее благословение. Если вы способны помочь...

— Теган в смертельной опасности. Ты должна отправиться за ней.

— Сперва надо узнать, где же она.

— Я не могу об этом говорить. Тебе придется найти ее самостоятельно. Она близко, стоит лишь протянуть руку, однако с каждым днем Теган будет ускользать все дальше.

— Близко? Он не унес ее? Если бы вы хоть немного намекнули, куда...

Фейри-страж что-то прошептал на ушко своей правительнице. Они обменялись фразами, и я поняла: он намекает, что задерживаться небезопасно, пора уходить.

Его госпожа подняла ладонь и снова повернулась ко мне.

— Спроси не куда, а когда, — произнесла она, затем повторила громче: — Спроси не куда, а когда!

И королева вместе со стражами упорхнула обратно в изгородь, скрываясь в тенях. Ее голос по-прежнему отзывался в моей голове болью. Я заставила себя подавить растущую панику. Как же мне отыскать Теган со столь скудной информацией? Сейчас мне нужны факты, четкие подсказки и знаки, а не загадки и шепотки.

— Погодите! — крикнула я. — Прошу! Я не понимаю, разве нельзя рассказать больше?

Фейри исчезли. Связь прервалась. Я больше ничего не услышала. И все же меня ждал еще один дар — доступный не слуху, а зрению. По воде пробежала рябь. Я наклонилась, внимательно наблюдая за расходящимися волнами, и на поверхности воды начали возникать образы и пятна цвета. Алоизиус буквально окаменел — крошечное тельце напряглось и

застыло, ощущая подобную магию. Нечеткие фигуры пульсировали; я изо всех сил пыталась что-нибудь разобрать, но все было слишком спутанным, мимолетным. Цвета начали тускнеть, движения замедлились.

— Нет! Я не увидела! — Я страшно боялась, что знак выдернут у меня из-под носа раньше, чем я его прочту. — Подождите...

И тут видение внезапно стало четким — целый пейзаж, подробный, словно картина, над которой художник трудился неделями. Зеленые поля, древний лес вдали, а на переднем плане — группа людей. Присмотревшись, я поняла, что это вооруженные и одетые в мундиры солдаты. Они стояли тесной толпой и не сводили глаз с чего-то в центре, словно ждали нападения невидимого врага. Оружие у них в руках было далеко не современным — мушкеты и копья. Да и одеяние принадлежало совсем другому столетию — простые шлемы и плотные колеты, подпоясанные желтыми кушаками. Я уже видела таких воинов много-много лет назад, когда была юна и только становилась на путь своего почти бессмертия. Я с содроганием вспомнила кровавые битвы, бушевавшие из месяца в месяц, и несчастных раненых, которым старалась помочь. Видение начало искажаться, и я изо всех сил вглядывалась в него в попытке запомнить все детали. Пейзаж казался знакомым, и все же именно так выглядели все английские поля, все леса. Вода вновь подернулась рябью, и я вдруг заметила кое-что в дальнем краю уже исчезающей картины. Ту сторону обрамляли деревья, темные и увенчанные зеленеющей летней листвой на спутанных ветвях, однако в одном месте их вырубил. И сквозь эту брешь я мельком разглядела высокие постройки из красного кирпича. Дымоходы. Высокие дымоходы великолепного особняка. А их нетипичное расположение и количество заставило меня охнуть — я с потрясением узнала это место, когда изображение окончательно растворилось.

— Бэтком-холл!

Другого и быть не могло. Я выпрямилась, жадно хватая холодный ночной воздух, чтобы успокоиться. Если видение показало, где искать Теган, то мне предстоял не такой уж долгий путь. Знакомый с детства особняк располагался на другом конце леса, который я видела из деревни, где сейчас стояла. Фейри сказала «Спроси не куда, а когда» потому, что ответом на «куда» было «здесь». Гидеон не унес Теган в иное место. Он забрал ее в иное время. И оно открылось мне благодаря солдатам в одеянии парламентариев. От мысли, что Теган застряла в жуткой кровавой эпохе, у меня сжалось сердце. Как Гидеон обрел способность перемещаться во времени? Зачем, гадала я, он взял на себя такой труд, такой риск? Путешествия во времени всегда считались крайне опасными и нелегкими. Какие бы у него ни были причины, я не могла последовать за ними в одиночку, мне не хватало умений. Надо обратиться за помощью к времяходу.

Ночью я спала плохо. Наплывали воспоминания о гражданской войне, что настраивала друг против друга соседей, друзей и родственников. Почему Гидеон решил унести Теган в годы таких смут? Я, конечно, знала, что его отвратительная магия питается агрессией и жестокостью войны. Может, это и повлияло на выбор времени и места? Я всегда подозревала, что он не станет ее убивать; сделать Теган своей пленницей — вот что больше походило на алчную, мстительную натуру Гидеона. По крайней мере, это давало мне возможность разыскать и спасти Теган. Чего, по всей вероятности, и ожидал — хотел — от меня Гидеон. Было ли все для него просто игрой? Извращенным развлечением? Вряд ли. Для его поступков наверняка нашлись веские причины. И они пока не поддадутся столь поверхностным размышлениям, на которые я была способна.

После того, как источник явил мне подробности похищения Теган, я решила воспользоваться услугами времяхода. Задача предстояла не из легких — очень сложно понять, где и когда его найти. Впервые я услышала о существовании времяхода, когда пошла в учение к знахарке на юго-востоке Франции в начале восемнадцатого века. Мадам де Ви была, конечно, не только знатоком лечебных трав, но и ведьмой. Когда любимый, но старый шалфей пал жертвой ветра сирокко, она не находила себе покоя, пока не решила вернуться назад во времени и добыть побеги этого же растения. Мадам де Ви должным образом вызвала времяхода и, убедив его в сложности задачи, получила положительный ответ. Врямяход согласился перенести мадам де Ви в нужное время и место. Он справедливо предупредил ее, что нельзя перемещаться вопреки луне без веских причин, ибо подобные путешествия могут плохо кончиться. Первый скачок ослабляет людей, и они неспособны его повторить и вернуться в свое время. А другие исчезают навсегда.

Времяходы славятся оригинальными привычками. Наверное, неудивительно, учитывая их странную и беспорядочную жизнь. Когда я задумывалась о том, что для них время не символизирует смертность, я ощущала некое родство. Разве они не вынуждены вести одинокое существование, как и я многие годы до встречи с Теган? Я понимала, что их обучение — это долгий и тяжелый процесс и что они образованные и начитанные. Мне повезло: когда-то давно мадам де Ви проделывала все на моих глазах, и теперь я знала, как призывают времяходов. Я вернулась в дом и перечитала свои записи в Книге Теней, что касались ее путешествия во времени. Затем я перевернула коттедж вверх дном и нашла необходимое: серебряный колокольчик, бокал, красное вино, пергамент, перо и чернила. В точности следуя указаниям, я села записать свою просьбу и, по традиции, произносила слова вслух.

«Я ищу Теган, ученицу-ведуницу, стройную, юную и красивую, с добрым сердцем и светлой душой, с чистой магией внутри. Ее против воли унес чернокнижник Гидеон Мастерс, лживый и жестокий человек, который хочет причинить ей страшный вред. Жизнь и душа Теган в опасности. Гидеон унес ее на сотни лет назад, во времена гражданской войны и голода, когда страна уничтожала себя изнутри, а мужчины, женщины и дети гибли из-за планов сильных мира сего. Я обратилась за помощью и предсказанием к народу фейри: она там, в том времени, на земле без короля».

Я как можно подробнее обрисовала увиденные облачение и оружие, Бэтком-холл из собственных воспоминаний. Закончив, я свернула пергамент в трубочку, перевязала его лентой и капнула воска, в который вдавила принадлежащий Теган кулон в виде кельтского креста. Дело было даже не в мощном символе, а в том, что это вещь Теган, которую она носила на коже, у сердца. Я позвонила в колокольчик восемь раз и наполнила бокал вином, а потом расставила все у выходящего на запад окна.

Меня беспокоило, что я не знаю конкретную дату, поэтому я изо всех сил старалась описать пейзаж и деревья (по крайней мере, они говорили о лете), и так далее. Я помнила, что ответа придется ждать как минимум шесть часов, поэтому заставила себя поспать. Однако прежде чем устроиться на стуле у огня, я нашла более подходящую семнадцатому веку одежду. В шкафу обнаружилось шерстяное платье зеленого цвета, под которое я надела хлопковую сорочку и нижнюю юбку. Я повязала на голову платок и обернула талию красивой шерстяной шалью, придавая себе сносный для тех годов вид. Затем украсила шею простенькими бусами и золотой цепочкой — не хотелось бы, чтобы меня приняли за нищенку. Шнурованные полусапожки до сих пор выглядели прилично. Вскоре я была готова.

Мимолетный взгляд в зеркало заставил сердце заколотиться — мой внешний вид неумолимо напоминал о жутких месяцах, когда я потеряла все дорогое и была вынуждена спасаться бегством. Наконец я устроилась, подтянув стул ближе к печи. Алоизиус, забравшись ко мне на колени, спрятался в складках шали и зажмурился, явно вымотанный долгим и печальным днем. По правде говоря, у меня самой кружилась голова от усталости. И пришел сон.

Бэтком, 1647 год

Я вдруг поняла, что уже не сплю, но при этом не совсем проснулась. Я была в полном смятении. Тело не слушалось, я даже не могла открыть глаза. И в то же время я ощущала себя отдохнувшей и умиротворенной. Более того, спокойствие перекрывало собой все остальные чувства. На самом деле я не хотела просыпаться, хоть и знала, что происходит нечто странное. Знала, что должна бороться против столь соблазнительной летаргии. Я различала звуки, слабые и отрывистые, но знакомые. Тонкие высокие трели маленьких птичек. Громкое карканье невпопад. Над головой — шуршание листвы, словно ее тревожит ласковый ветерок. Любопытное поскрипывание вдали, ровное, ритмичное, будто движется что-то тяжелое; я никогда не слышала такого. Я глубоко вздохнула и уловила аромат боярышника и согретой солнцем травы, запах пыльцы и сухой земли, благоухание летнего луга.

Постепенно я обретала власть над собственным телом. К конечностям возвращалась чувствительность, и я вновь ощутила свой вес и силу, а также то, что теперь не сижу, а лежу. Я шевельнула руками. Под ладонями был мягкий дерн.

Наконец я открыла глаза. Зрение подтвердило, что я и в самом деле оказалась на прекрасном сенокосном лугу, усыпанном цветущей овсяницей и злаковыми травами, под теплыми солнечными лучами. Я потрясла головой, заставляя себя найти объяснение необъяснимому. Небо было ярко-голубым, безоблачным. По обе стороны пастбища возвышался старый лес. Я сумела приподнять голову, но по-прежнему оставалась слишком слабой и сонной, чтобы сесть, не говоря уже о том, чтобы встать. Одно было ясно: это не сон.

Земля подо мной слегка подрагивала. Шаги. Тяжелые. Приближается мужчина. Я изо всех сил старалась пошевелиться, найти укрытие. Гидеон?.. Теперь он идет и за мной?.. А я слишком слаба и беззащитна. Человек приблизился, высокий и широкоплечий, но перед глазами все поплыло, и я не смогла разглядеть его лицо. Я попыталась заговорить, однако с губ не сорвалось ни звука. Мужчина источал сильнейшую магию. Он наклонился и поднял меня с земли. Я прижалась лицом к грубой ткани рубашки, ощущая запах хлеба, и так поразилась, что рухнула в головокружительную темноту и вновь потеряла сознание.

Второй раз я очнулась совершенно иначе. Меня безжалостно выдернул из сонного состояния грохот. Все вокруг содрогалось, даже кровать, на которой я лежала. Я резко пришла в себя, хватая воздух, и стала озираться, пытаясь понять, где же я и что издает такие

чудовищные звуки.

Я оказалась в скудно обставленной комнате с низким потолком и закрытыми ставнями окнами. Сквозь щели проникал солнечный свет. Сама комната, на удивление, была шестиугольной, а потолок уже пола. Я свесила ноги с деревянной постели. Как только ступни коснулись голой доски, им передалась мощная дрожь, пронзившая все тело. Словно дом желал оторваться от фундамента и унести прочь. В центре комнаты стояла странная колонна, проходящая сквозь пол и потолок. Сбитая с толку, я подошла к окну и распахнула ставни. Снаружи тут же пронеслась огромная доска. От неожиданности я отшатнулась и упала. Только поднявшись на ноги, я наконец все поняла: я внутри мельницы. Мимо окна опять прошло крыло, затем еще одно. А громыкает, по всей видимости, жернов; эхо его тяжелого хода отзывалось по всему зданию. Я плотнее завязала шаль на талии и поправила платок на голове. Из переднего кармана вдруг выглянул Алоизиус. Я бережно засунула его обратно, а затем с опаской ступила на пыльную лестницу в дальнем конце комнаты.

Чем ниже я спускалась, тем сильнее становился шум. Под спальней я обнаружила кладовую с запасом зерна и муки. На подоконнике загорали два толстых полосатых кота. Около еды, естественно, будут виться мыши, а где мыши — там и те, кто их ест. Я запустила руку в карман, чтобы Алоизиус не вздумал отправиться на разведку.

На первом этаже располагался внутренний механизм мельницы. Здесь и лежал огромный плоский камень, пригвожденный внушительным металлическим стержнем, что пронзал всю постройку. Множество шестерен и колесиков цеплялись друг за друга и медленно вращали камень, а приводил это все в движение легкий ветерок, крутивший четыре широких крыла. По скату пшеница попадала к жадному камню, и он перемалывал зерна в муку. В воздухе витала светлая пыль, пахнувшая завтраками, пикниками и теплой уютной кухней. И все же, несмотря на столь приятную обстановку, я была взвинчена. Кто перенес меня в незнакомое место и время? Неужели времяход так быстро услышал призыв и решил действовать без моего сознательного участия? Или за мной вернулся Гидеон? Очень важно оставаться настороже. Мое ведьмовское чутье посылало по телу мурашки, предупреждая об опасности, о сильном магическом присутствии, и все же я не ощущала соизмеримую с мощью Гидеона угрозу.

Дверь наружу была открыта, и через нее доносился стук колес тачки. Я нырнула в тень, стараясь спрятаться. Через считанные секунды в мельницу вошел мужчина с нагруженной мешками тачкой. Он остановился и, вытащив длинный нож, высыпал зерно в потертый деревянный приемник. Я подобралась чуть ближе, чтобы рассмотреть его лицо. Фигурой он походил на Гидеона, хотя для паники этого было недостаточно. Я ведь узнала бы человека, что является моим врагом уже на протяжении столетий?.. Впрочем, этот колдун всегда умело скрывал собственную личность.

Мужчина принялся за другое занятие: забрасывал свеженаполненные мешки на деревянные полки. Он кряхтел от усилий, а его движения казались неловкими, словно такой труд был ему непривычен. Взваливая на плечо особенно набитый мешок, он пошатнулся, и грубая ткань выскользнула из вдруг ослабевшей хватки. Мужчина вскрикнул и, запнувшись, перевернул на себя всю муку. Зрелище, как он оттряхивал одежду, вполголоса ругаясь, и вытирал лицо, оказалось настолько забавным, что я невольно охнула. Мужчина поднял голову.

Собравшись с духом, я шагнула на свет, что падал из открытой двери. Конечно, это не Гидеон. Дело было не столько во внешности, которую легко изменить при помощи магии,

сколько в ауре, во внутренней энергии. От этого человека не исходило зла, и он не мешал мне его «читать». Я испытала огромное облегчение, правда, смешанное со злостью, как часто бывает, когда надумываешь себе опасность, а потом понимаешь, насколько глупо было бояться.

— Ага! — воскликнул мельник. — Проснулись.

— Очевидно.

— В добром здравии?

— Да, спасибо.

Он уставился на меня, словно изучал редкое существо. Мне стало неудобно.

— Не хочу отрывать вас от работы... — произнесла я.

— Неужели? — Мужчина рассмеялся, продолжая тщетно отряхивать рубашку. — Работа подождет. Гостья, знамо, важнее нескольких мешков муки.

— Люди, которые на них рассчитывают, чтобы не голодать зимой, могут не согласиться.

— Действительно, могут, — кивнул он с притворной серьезностью.

Меня дразнили, нахально и беспечно. А я не знала, ни где я, ни кто меня сюда принес, поэтому была в заведомо проигрышном положении.

— Сделайте милость, скажите, где найти вашего хозяина, — произнесла я. — И я больше вас не побеспокою.

Тут он вообще разулыбался, как идиот!

— Простите, в данный момент он не принимает гостей, — ответил мельник спустя мгновение. — Однако, заверяю, он выйдет к вам, как только сумеет. Быть может, вам удобнее подождать наверху?

— Я бы скорее хотела прогуляться. Прошу, передайте хозяину, что он найдет меня снаружи.

С этими словами я повернулась к открытой двери, но тут же замерла — мимо со свистом пронеслась тень. Конечно, это огромное крыло скрыло за собой свет. Я ждала. Изнутри было сложно сказать, как низко они доставали.

— Не бойтесь, госпожа! — воскликнул мельник. В его голосе по-прежнему звучал смех. — Выходите, ничего с вами не случится.

Я коротко кивнула, не желая выдавать страх, и двинулась вперед с куда большей уверенностью, чем ощущала на самом деле. Стоял теплый солнечный день, воздух казался восхитительно свежим. Я подняла голову, прикрывая глаза от солнца. Надо мной воздымалась мельница, и она была куда выше, чем я думала изначально. Над комнатой, где я очнулась, судя по окнам, располагалось еще два этажа. Нижняя часть постройки была возведена из красного кирпича, а верхняя — из дерева. Вместо обычной крыши наверху красовалось нечто вроде колпака, к которому и крепились огромные крылья. Их было четыре — по двадцать футов в длину и шесть в ширину. Они вращались не спеша и тихо, разве что временами поскрипывали и мягко шуршали, разрезая воздух.

Мельница стояла на вершине холма, среди полей, и к ней подходила широкая, разбитая колесами повозок дорога. Внизу виднелся лес. Пейзаж выглядел знакомым. Может, это и есть окрестности Бэтком-холла, наверняка и не скажешь. Это мог быть любой сельский уголок Англии. А что насчет даты?.. Какова вероятность, что я попала именно в то время, где сейчас живет Теган? Да и вообще, представляла ли я, куда мне надо попасть? Я располагала лишь крупными фрагментами информации. Солдаты-парламентарии были привычным зрелищем больше десяти лет. Если я перенеслась позже нужного, то у меня совсем мало шансов спасти Теган.

А если слишком рано, то их нет вообще. От мысли, что ей придется вынести в плену у Гидеона, у меня заныло сердце. Я напомнила себе, что Теган — храбрая и находчивая женщина, искусная ведьма. И она знает, что я за ней приду, что я никогда не перестану ее искать. Если только она выдержит, устоит перед Гидеоном, что бы он ни задумал.

Едва я задумалась, сколько мне еще ждать местного хозяина, как раздавшийся сзади голос чуть не заставил меня подпрыгнуть.

— Вижу, вы наслаждаетесь пейзажем. Признаю, он достаточно очарователен — в деревенском смысле.

Обернувшись, я увидела перед собой... мельника. Он смыл с лица муку, хотя нечесанные волосы длиной до плеч по-прежнему оставались ею припорошены, и переделся в темный твидовый камзол с повязанным вокруг шеи алым платком. Мельник оказался младше, чем я решила сперва. У него были светло-серые глаза с морщинками, которые появлялись, когда он улыбался. А это случалось часто.

Мельник отвесил быстрый поклон и протянул мне руку.

— Эразмус Балморал. Крайне рад с вами познакомиться. Впрочем, мы, конечно, уже встречались, пусть и без церемоний. Прошу прощения за отчасти фривольный разговор чуть ранее. Пожалуй, это не лучший способ завязывать знакомство, вот так перепрыгивая через устои, но что поделать. Хождение сквозь время — неточная наука. По правде сказать, оно сродни искусству. В связи с этим, надеюсь, мы закроем глаза на некую неловкость.

— Так времяход — это вы?!

— Каюсь, грешен. Очевидно, переход на вас никак не сказался? Некоторые жалуются на звон в ушах, дурноту. Может, головные боли?

— Все в порядке, спасибо. Надо признаться, не ожидала...

Я представляла времяходов совершенно иначе. Они ученые люди, невероятно умные и преданные своему делу, обучению которому отдали долгие годы. А стоящий передо мной человек был неотесанным, неряшливым и растрепанным, а вдобавок занимался физическим трудом.

— ...мельника? Согласен. — Он усмехнулся, махнув рукой в сторону мельницы. — Впрочем, она же замечательная, верно? Да, жилые помещения пока достаточно простоваты, но, думаю, я все вполне приемлемо обустроил. Почему бы нам не пройти внутрь? Я приготовлю легкий завтрак. Вы наверняка голодны, вы же несколько столетий не ели!

Он громко расхохотался над собственной шуткой и предложил мне взять его под руку, а затем быстрым шагом повел обратно к мельнице. В комнате, где я очнулась, Эразмус, явно склонный к активным действиям, торопливо распахнул все ставни, и я разглядела в дальнем конце помещения простенькую печку, таз с водой и кувшин, полки и кухонную утварь. Я присела за небольшой столик, наблюдая, как Эразмус достал из буфета хлеб и сыр, а затем поставил их передо мной. Потом он принес банку маринованных огурцов и кусок масла.

— Прошу, угощайтесь, — произнес он, сняв с самой высокой полки глиняный кувшин с элем и протерев рукавом две такие же чашки. — Сыр самый обычный, а вот хлеб, как по мне, восхитителен. Испек его вчера. Одно из преимуществ моего нового ремесла — у мельника всегда хватает муки. К счастью, пекарь из меня куда лучше, чем мельник. Давайте уже, уплетайте, я не позволю гостю умереть с голоду.

Эразмус сел напротив и принялся нарезать хлеб немалыми кусками тем же ножом с костяной рукоятью, которым вспарывал мешки. Даже в подобном деле он двигался с опасной скоростью. Лезвие поблескивало в лучах летнего солнца. С хлебной корочки слетала мука.

— Я слегка в замешательстве, — подала я голос.

— Не сомневаюсь. Множество вопросов. Задавайте любые!

— Я ожидала некого общения прежде... прежде, чем мы отправимся.

— Я услышал ваш зов, громкий и ясный. Очень хороший, очень... — Эразмус на мгновение замер, глядя на высокий потолок, подбирая слово, — ...напористый, — наконец закончил он, продолжая накладывать еду на свою деревянную тарелку.

— Но как вы узнали... в какое время мне надо? Я предоставила лишь самые скудные детали.

— Английская гражданская война, — проговорил он, жуя. — Бэтком-холл, — ткнул он ножом за левое плечо, где, очевидно, располагался особняк. — Для начала неплохо.

— Насколько я помню, наша страна погрязла в битвах на пятнадцать лет. А я сообщила только о лете и униформе. Если вы и доставили меня в нужное место, то что насчет времени? Возможно, мы оказались здесь за годы до даты, в которой скрывается Гидеон.

— Возможно, — согласился Эразмус и запил хлеб с сыром большим плотком эля, — но вряд ли.

Его расслабленность начинала раздражать.

— Мистер Балморал...

— О, умоляю вас, зовите меня Эразмус!

— ...думаю, вы не в полной мере осознаете серьезность моего положения.

— Разве?

— Я здесь не для удовлетворения личных причуд. Решение вернуться назад во времени далось мне нелегко. Я понимаю, что это рискованно. Я отправилась сюда потому, что должна, ведь дорогой мне человек, который зависит от моей помощи, находится в страшной опасности. Я должна найти Теган, а для этого мне важно прибыть в точное время. Жизнь Теган зависит от того, смогу ли я найти ее раньше, чем... В общем, нельзя терять ни минуты. У меня нет ни терпения, ни желания быть приличным гостем, наслаждаться видом или просто сидеть тут, пока жестокий, злой человек удерживает в плену невинную девушку.

Дожевав, Эразмус промокнул губы испачканным в муке платком, затем бросил его на тарелку и откинулся назад.

— Сударыня, поверьте мне, никто не связывается с заведомо рискованным хождением во времени без веских причин. И если отбросить в сторону личные желания обратившейся за услугой особы, ни один времяход не согласится эту услугу оказать для, как вы выразились, удовлетворения личных причуд. Вы, конечно, ведьма могущественная и многоуважаемая, причем почти бессмертная, но позвольте мне заметить, что я тоже знаток своего дела. Я никогда — никогда! — не хожу вслепую. Я всякий раз знаю точное место и время, с кем и для какой цели перемещаюсь. Вы сообщили, за кем мы гонимся, и сия информация позволила мне найти их во временном потоке.

— Гидеон искусно скрывает место своего пребывания, — возразила я, качая головой. — Я его не вижу. Я не смогла узреть его даже с помощью Богини и моих сестер-ведьм. Если бы не лесные фейри, я не раздобыла бы и тех обрывков, которые узнала. Как же вы можете быть уверены, что выследили его? Неужели ваши силы предвидения оказались действеннее моих?

— Вероятнее всего, они не действеннее. Однако у меня есть иной путь. Как вы говорите, этот чернокнижник мастерски замечает следы. Он использует сложные, крепкие заклинания. И все же, несмотря на бессмертие, он не обладает способностью по собственному желанию перемещаться из одной эпохи в другую. Нет, сей навык для него

недостаем. Чернокнижник не родился с этим даром и в жизни его не получит. Такого навсегда исключили бы из наших рядов. А значит, для путешествия ему пришлось обратиться за помощью к подобному мне.

— К другому времяходу? Разве он согласился бы?

— Возможно, у него не было выбора. Немногие осмелятся силой вынудить человека из моего общества работать на себя, однако, боюсь, Гидеон Мастерс входит в число этих немногих. Какие бы методы... убеждения он ни использовал, похоже, ему удалось найти времяхода, который не смог ему отказать. — Эразмус дождался, пока я переварю его слова, и продолжил: — Я не мог выследить вашего чернокнижника, зато след другого времяхода я вижу столь же четко, как отпечатки ботинок на снегу.

— То есть мы оказались здесь в нужное время? — Как только он кивнул, я накинулась на него с расспросами: — И вы нашли его, этого времяхода? Что-нибудь у него узнали? Может, он сумеет пролить свет на то, где Гидеон прячет Теган, рассказать что-то важное.

— Увы, если он и знал, то унес все с собой в могилу.

Я была потрясена, однако услышанное меня не удивило.

— Мне очень жаль, — произнесла я, заметив тень скорби на обычно жизнерадостном лице Эразмуса. — Безжалостность Гидеона не знает границ. Поэтому надо как можно скорее начать поиски. Мы ведь можем полагать, что они с Теган где-то неподалеку?

— Да. — Эразмус помолчал. — Вы уверены, что справитесь с противником, когда мы до него доберемся?

Откровенный вопрос застал меня врасплох. Справедливо. Я часто спрашивала себя об этом сама.

— Придется, — ответила я. — Теган больше никто не поможет. Она в опасности из-за меня, так что именно я и должна ее спасти.

— Ваши чувства похвальны, но могут привести к гибели нас обоих, судя по постигшей моего собрата участи.

— Я не думала подвергать вас опасности. Ну, помимо самого перемещения.

— Что же мне еще здесь делать, как не следить, чтобы ваше путешествие окончилось успешно? Конечно, я буду вам помогать всем, чем смогу. Однако я должен узнать больше о нашем враге. Что вы можете рассказать о нем из того, что нам пригодится?

Трудная задача — четко и ясно охарактеризовать такого, как Гидеон Мастерс.

— Он упрямый, безжалостный и не желающий ценить других, если они ему не важны. Способен с поразительной легкостью шагнуть от одержимости любовью к кровожадной ненависти.

— Вы говорите так, словно однажды сами были объектом его... страстей.

— Да. Он до сих пор меня ненавидит; потому и использует Теган — мстит. Даже спустя столько лет.

— Весьма радикальные меры. В смысле, для отвергнутого любовника, союзника или кем он там был. Простите, я не имею в виду, что вы не в силах разжечь подобную... страсть, а только, что... ну, если он настолько умен и искусен в магии, как вы говорите, столь затяжная ярость вряд ли говорит о разбитом сердце и ущемленной гордости.

— Я могу рассказать лишь то, что он творил в прошлом. Я не знаю, стремится ли он к чему-то другому. Если у него новая цель, мне придется ее выяснить.

Эразмус пожал плечами и усмехнулся.

— Значит, пока он ее не раскроет, мы будем считать его отвергнутым любовником,

затаившим злобу на долгие столетия. Он в ярости, ведь его на пять лет лишили свободы, и намерен отплатить вам за все якобы нанесенные ему вами обиды...

— ...и готовый убить любого на своем пути к цели, — добавила я.

— Вероятнее всего, — согласился Эразмус. — Ранее вы назвали его чернокнижником. Он любит менять имена?

— Он и в самом деле часто использовал вариации своего имени...

Я умолкла, заметив движение. Запахи свежего хлеба и вкусного сыра выманили Алоизиуса из укрытия, и он пробежал по столу. Хозяин дома с ошеломляющей скоростью замахнулся и метнул нож. Я не успела даже вскрикнуть, но невольно выпустила магический импульс, который достиг мышонка за мгновение до лезвия. Нож с грохотом рухнул на пол. Я даже не произнесла заклинание, я не действовала осознанно. Когда кто-то дорогой был в опасности, ведьмовское чутье реагировало раньше разума.

— Господи! — воскликнул Эразмус.

— Это Алоизиус. Он сопровождает меня в поисках, — объяснила я, отламывая кусочек сыра для совершенно невозмутимого мышонка.

— Не знаю, что меня больше удивляет, — произнес Эразмус и поднял нож. — Ваши впечатляющие навыки или грызун в спутниках.

— Он принадлежит Теган. И может помочь. — Заметив вскинутые брови собеседника, я продолжила: — Он не простой мышонок.

Эразмус расхохотался.

— Боюсь, кошачье семейство не оценит его особенности.

— Мы будем обходить хищников, — заверила я. — И попросили бы вас не использовать его для упражнений в меткости.

— Прости... Алоизиус, да? — Эразмус отвесил мышонку торжественный поклон. — Я редко мечу ножи в гостей. Больше не повторится, слово. Очень рад тебя здесь приветствовать.

Он налил в чашки еще эля.

— А теперь к делу. Я должен рассказать вам об определенных правилах, связанных с хождением во времени.

— Как я и ожидала.

— Во-первых, ни с кем не обсуждайте то, как вы здесь оказались. Наша работа хранится в тайне. Вас, скорее всего, сочтут сумасшедшей, а учитывая, какой на дворе год...

— Если мне действительно поверят, то наверняка обвинят в ведовстве. Поверьте, именно этого обвинения я за свою долгую жизнь научилась мастерски избегать.

Эразмус задумчиво посмотрел на меня.

— Да, — кивнул он. — Думаю, так и есть. Хорошо. Во-вторых, и это связано с первым пунктом, времяход ни при каких условиях не должен делиться сведениями о будущем. О ходе истории, нововведениях, открытиях или знаниях в любом проявлении. То есть нельзя никому рассказывать о том, что случится потом.

— Естественно.

— И третье. Вам необходимо подобрать имя и положение в обществе согласно времени, в которое вы переместились. В данном случае мы должны быть особенно осторожны. Как понимаю, вы родились и провели юность в этих местах. Возможно, вас узнают.

— Так как я сбежала из местной тюрьмы, где ждала приговора как ведьма, я определенно не хочу никому напоминать ни о себе, ни о том, почему я исчезла.

— Вам нужно новое имя. Меня здесь не знают; собственно, я представился кузеном мельника, которого я замещаю.

— Позволено ли мне поинтересоваться, что с ним стало?

— Не переживайте. Я не разделяю взгляды на мораль с вашим достаточно прямолинейным господином Мастерсом. К мельнику наведася мой живущий в эту эпоху собрат и заплатил ему за временное отсутствие и неизменное молчание.

— Вы должны как-то убедиться в верности людей, которых плохо знаете.

— Наша сохранность только доказывает убеждение, что у каждого человека есть своя цена, госпожа... хм, как же вас называть?

— Кармайкл. Госпожа Кармайкл.

Даже спустя столько лет в груди что-то сжалось. Так сильно я любила лишь однажды. И носила бы с радостью фамилию дорогого Арчи. Сейчас я смогу отдать ему должное. Мы встретились посреди другой войны. По истерзанной битвами стране шагала смерть. Арчи вел своих людей в атаку, а я ухаживала за ранеными. Мы обрели друг друга, и на кратчайшее мгновение я позволила себе полюбить. Цену за любовь и счастье заплатила, как всегда, не я. А назначил ее Гидеон.

— Отлично! — вернул меня из воспоминаний Эразмус. — Вы моя овдовевшая сестра, приехали навестить. Должен предупредить вас — будьте настороже. Сколько вам было лет, когда вы сбежали, и в каком году?

— Шестнадцать. В тысяча шестьсот двадцать восьмом.

— На девятнадцать лет раньше. То есть, при обычном раскладе, вам было бы... дайте подумать... тридцать пять. — Эразмус снова уставился на меня, что-то высчитывая, а потом кивнул и пожал плечами. — Звучит правдоподобно.

— Вы чересчур галантны.

— Прошу прощения, я не пытался вам польстить. Я имею в виду, что если вас вдруг узнают, то соответствующий необходимому возрасту вид вызовет меньше подозрений. А если бы вы были невероятно молоды или излишне стары, это само по себе показалось бы странным. В общем, лучше поменьше общайтесь с населением.

— Как же мне тогда искать Теган? Я должна говорить с людьми, расспрашивать, вдруг они ее видели.

— Вы вряд ли сумеете ей помочь из тюремной камеры. Или... откуда похуже. Будьте осторожны, мэм. Это все, чего я прошу.

Дождавшись заката, я вышла к лесу на дальнем краю луга. Я собиралась произнести заклинание и попытаться засечь Теган, а для этого необходимы темнота и спокойное место. Древний Бэткомский лес, пропитанный неземной энергией, усилит любые мои чары. Шагнув в прохладные объятия усеянных листвой дубов и буков, я ощутила массу противоречивых чувств. От магии леса по коже пробежали мурашки. Меня затянул бурный поток ярких воспоминаний. Гидеон, насилующий одинокую девушку-цыганку. Дом Гидеона в сердце леса, где он впервые учил меня магии, где я поддалась его темным чарам. И побег. От него, от желающей затравить меня толпы, от судьбы, которой я отказывалась следовать. Я должна была защитить себя от прошлых чувств, что зазывали меня подобно песням сирен.

Вот она я, здесь и сейчас, и мне пришлось сосредоточить все внимание на этом моменте. Однако в голове раз за разом возникали образы из юности, вспышки мыслей, поступков, любви, горя, боли. Я будто наяву видела маленькую Маргарет, мою милую умершую сестренку, мелькнувшую между деревьями. Различала в тених величавую фигуру самого Гидеона. Запахи леса — древесные грибы, глинистая почва, лишайники, черемша, отцветающие колокольчики, мхи и папоротники — смешивались в пьянящий аромат былых времен. Разум стремился выстроить хоть какой-нибудь порядок. Я ощущала, что Гидеон все ближе, но не могла понять — это мои воспоминания или он действительно рядом? Я словно попала в силки, скованная высоченными стволами деревьев, низко висящими ветками, зарослями кустарника и лозы. Если Гидеон сейчас явится, я ничего не смогу сделать, я не готова. Мне хотелось бежать, вырваться из этого плена на открытый луг... но я страстно желала послать Теган зов. Если Гидеон близко, действительно близко, значит, и она тоже. Да, слишком опасно, слишком многое на кону. Если я неудачно раскрою свои карты, Гидеон, по меньшей мере, узнает о моем присутствии. А в худшем случае... Ну, с моей стороны было бы и правда глупо вот так предстать перед ним без должной защиты. Я развернулась и уверенно зашагала по ковру из листвы, пытаюсь найти в себе храбрость и не сбежать, как испуганное дитя. Час моей встречи с Гидеоном настанет, но не сейчас и не здесь.

Той ночью меня слишком терзало беспокойство, и я не могла заснуть. Поэтому я сидела на краю постели и слушала ночные звуки, что проникали в открытое окно. Эразмус ночевал этажом выше. В мельнице их оказалось пять. На первом располагался огромный жернов, на втором хранилось зерно (мешки туда попадали через специально оборудованный черный ход), на третьем находились основные жилые помещения, на четвертом — кладовая и запасная спальня, а на самом верху — механизм, который позволял крыше вращаться, чтобы крылья ловили ветер, и металлическое устройство, которое переносило воздушную энергию в самый низ, к огромному перемалывающему зерно камню. Когда процесс останавливался, вся мельница будто вздыхала и пожимала плечами, благодарная за возможность отдохнуть. После солнечного дня в жилой комнате было по-прежнему жарко и пыльно. Я выглянула из окна, чтобы меня тоже коснулся мягкий ветерок, поигрывающий луговой травой. Алоизиус взобрался на подоконник. Мы оба настороженно оглядывались в поисках местных котов, но те, должно быть, решили для разнообразия поохотиться снаружи. Миниатюрное создание принялось чистить усики. Я устала, однако по телу бродило странное беспокойное ощущение, а сердце самым вызывающим образом екало и пропускало удары. Я подозревала, что дело в запоздалых последствиях перемещения во времени, и пришла к выводу, что если бы пострадала сильнее, то наверняка бы уже это заметила. Нужно привыкнуть. Привыкнуть к новому времени. По правде говоря, я опасалась дать сознанию ускользнуть в сон. Гидеон был близко во всех отношениях — географически, хронологически, магически. Я до сих пор не знала, зачем он перенес Теган сюда, но подобный выбор времени и места явно намекал на то, что я по-прежнему оставалась его навязчивой идеей. Зачем же еще ему отправлять Теган в дом моего детства, туда, где мы с ним впервые увидели друг друга, где наши судьбы столь безвозвратно сплелись?

— Не спится, госпожа Кармайкл? — донесся сзади голос Эразмуса.

Для человека без ведьмовского дара он отлично умел оказываться рядом совершенно незаметно. Наверное, потому, что двигался с поистине необыкновенной скоростью. Несомненно, результат его способности подчинять время собственной воле.

— Типичная реакция на хождение, — поведал мне Эразмус, приблизившись к окну. Он

уперся ладонью в верхнюю часть рамы и, наклонившись, глубоко вдохнул. — Клянусь, у меня легкие уже наполовину забиты то ли мукой, то ли зерновой пылью, то ли луговой пылью.

— Вы явно не прирожденный мельник.

— Я человек городской. Вся эта... пустота, — он махнул рукой на пейзаж внизу, — кажется мне достаточно красивой, но чего-то не хватает.

— Вы совершенно неправы. Даже в такой час поля и леса кишат жизнью.

— Именно то, что они «кишат», меня и беспокоит. Вы видите мирное открытое пространство, а я — лишь отсутствие. Где люди? Где признаки нашей великой цивилизации? Может, библиотека? Вот там неплохо бы разместился учебный институт. И знающий свое дело портной. — Эразмус улыбнулся, глядя на собственную потрепанную одежду, и похлопал по грубой ткани рубашки. В воздух взвилось облачко пыли. — Проще говоря, я скучаю по Лондону.

— Там ваш дом?

— Я так считаю, хотя, конечно, я выбрал путь, не совместимый с понятием «дом». Там я вырос. Там обучался и, в конце концов, стал тем, кто я есть. — Теперь Эразмус улыбнулся уже мне. — Заглядываю туда по возможности.

Я вдруг осознала, что в наших долгих, необычных жизнях мы оба разделяем некую безродность. Я была вынуждена переезжать с каждой сменой поколений, чтобы не привлекать внимание к своему долголетию. У меня тоже не было места, которое я назвала бы домом. Даже коттедж «Ива», теперь ставший для меня важным, придется через какое-то время покинуть и искать новое пристанище.

— Вы же здесь родились, верно? — продолжил Эразмус. — Конечно, окрестные места вызывают у вас иные чувства.

— Возвращение сюда действительно всколыхнуло многие воспоминания, — кивнула я. — Приятные и не очень. В сельской местности,неважно где, мне и правда легче дышится. Разве вас хоть самую малость не соблазняют покой и тишина?

— Может, здесь и тихо, но уж никак не спокойно. Больше не спокойно. Увы, знакомый вам Бэтком сильно изменился.

— На него так повлияла война?

— Да. Жуткое дело, когда англичанин идет против англичанина. По разные стороны оказались деревни, даже семьи. А те, кто не потерял близких людей в сражениях, похоронили их из-за голода. Из-за бедности. Солдат необходимо кормить, и они заберут все, что найдут на своем пути. Если все мужчины ушли воевать, то кому возделывать землю?

— А без урожая...

— Люди голодают. — Эразмус стал серьезен. — Не хочу вас расстраивать, госпожа Кармайкл, и знаю, что у вас крайне безотлагательные дела, но все же должен настоятельно просить вас об осторожности. Здешние люди уже долгое время страдают и не видят этому конца. Они голодны, измождены. И многие жаждут найти, на ком бы выместить боль и горе.

— Помню, чума вызывала похожие настроения.

— Не позволяйте себе второй раз пасть жертвой их отчаяния, — произнес Эразмус, прежде чем поклониться и оставить меня наедине с мыслями.

Рано утром я подготовилась к походу в город. Я рассуждала так: если Гидеон считает, что я его найду, то вполне может ждать именно там. А если нет, я по крайней мере осторожно расспрошу людей, вдруг кто видел, что в городе недавно появились мужчина с девушкой.

Эразмус принес мне одежду, выбранную с куда большей заботой, чем я предполагала. Хорошее, но неброское синее платье из шерсти, с накрахмаленными белыми манжетами и воротником, подчеркивало мой статус вдовы торговца. Чепец, к счастью, с широкой окантовкой помогал хотя бы частично скрыть лицо. Перед выходом я съела немного хлеба и выпила теплого молока. Алоизиус настойчиво желал меня сопровождать, однако я беспокоилась, что так просто нести его будет небезопасно. Я покопалась в буфетах и обнаружила небольшую сумку с откидным верхом, которую и повязала на пояс. Мышонку понравилось подобное средство передвижения.

Была ясная погода, и день обещал стать жарким. Я быстро шагала, пытаюсь избавиться от нервного комка в желудке и звона в голове. У меня не было четкого плана, кроме как разыскать Гидеона и Теган. А что мне еще оставалось? Придется действовать по обстоятельствам, ведь я даже не знала, как и где чернокнижник ее прячет. И подозревая, что он попытается заманить меня в некую ловушку, я готова была рискнуть.

Через полторы мили пути по высушенной дороге между мельницей и Бэткомом мое беспокойство начало стихать. Как же хорошо действовать, а не сидеть на месте и ломать голову! Я ожидала, что городок изменился, но заметила всего несколько новых домов, а главная и прилегающие к ней улочки были мне мучительно знакомы. Широкая дорога, проходящая через центр, оказалась не так уж загружена. Наверняка это признак тяжелых времен. И все же на улицах были люди. Они занимались своими делами — заходили в торговые лавки и выходили из них, вели за руки детей, несли корзины, однако мало кто не спеша прогуливался. Товаров на витринах и полках было немного — затяжная война породила нехватку. Бэтком по-прежнему представлял собой смесь простолюдинов и высокородных жителей. Тянулись домики с низкими крышами, по паре комнат на каждом из двух этажей. Дальше — три дома торговцев, состязавшихся в великолепии и замысловатости построек, с дубовыми каркасами, красиво раскрашенной лепниной. На парадных дверях были изящно вырезаны символы ремесла — тут виноградная гроздь, там стамеска камнетеса. Более богатые горожане хвастались витражным окнами с цветными ставнями. Трактир, где Гидеон впервые продемонстрировал мне свою магию, по-прежнему процветал. Я содрогнулась, минуя здание суда, где и мою мать, и меня обвиняли в ведовстве. Сразу живо вспомнились расположенная внизу тюрьма и затхлая камера, где я со слезами прощалась с матерью. И где я сама, спустя всего несколько недель, использовала магию — магию Гидеона — для побега.

Рядом прошла пожилая пара. Мужчина показался мне знакомым. Желая разглядеть каждый уголок города, я задрала подбородок и невольно открыла лицо. Мужчина замедлил шаг, и я на мгновение испугалась, что он меня узнал. Я быстро опустила голову и поспешила прочь, теперь уже не забывая прятаться от прохожих. Я еще с час побродила по улицам Бэткома, стараясь увидеть как можно больше, но не попадаться на глаза другим. Внутри росло разочарование — я начинала понимать, что ничего не достигну, если не стану расспрашивать людей. Действовать придется осторожно и с умом, выбирать только тех, кто слишком юн или кого я точно раньше не встречала. Эразмус прав, город стал другим. Но изменились не постройки, а атмосфера. Оживленный и процветающий город теперь выглядел запущенным, убогим, в воздухе витала напряженность. На улицах несло чем-то кислым, и отнюдь не только от сточных труб и канав. Так пахла бедность — горький запах разбитых надежд и мечтаний, едкая вонь страха, смрад болезней. Пусть и не чума, хвала небесам, но здесь встречались все прочие недуги и хвори, вызванные затяжным голодом,

горем, недостатком ухода, незажившими ранами и вечной тревогой из-за неопределенного будущего.

Мое внимание вдруг перешло от общего к частному. На место женщины, которая жила среди этих людей и заботилась о них, пока они так жестоко не обернулись против нее, пришла ведьма, ощутившая страшную опасность. Гидеон. Я окинула взглядом всю улицу... Чисто. И все же я его чувствовала. Он близко! Если бы я только могла тайком за ним проследить... Наблюдал ли он за мной в тот момент?..

Я шагнула к витрине галантерейщика, изображая интерес к скудным товарам, и сощурилась в попытке разглядеть улицу в отражении. С грохотом проехала пустая повозка. Пульс участился, ладони взмокли от пота. Гидеон здесь! Мимо пробежали двое мальчишек. За ними следовала усталая мать, безуспешно стараясь увещевать сыновей. А затем я увидела высокого тощего человека, одетого в черное с ног до головы. Его лицо скрывал край шляпы, но я не сомневалась, что это Гидеон. С ним были две женщины. Одна, отстающая от него на шаг, носила длинные волнистые волосы распущенными. Ее походка была мне незнакома. Вторая шла по другую руку от Гидеона, поэтому я не сумела ее рассмотреть. Я оцепенела. Заметил ли меня Гидеон?.. Если я выступлю против него сейчас, посреди улицы, он, скорее всего, меня не тронет, однако и не приведет к месту своего обитания. Я должна его найти. Если Теган идет с ним, то они вернутся в их новый дом. А если нет, то вполне может быть пленницей все там же.

Я вдруг поняла, что затаила дыхание. Тем временем Гидеон добрался до пустой скобяной лавки на углу и свернул к узкой аллее. Я быстро двинулась следом.

— Бесс? Бесс Хоксмит, ты ли это? — взвизгнул женский голос, и я замерла, так и не сделав шаг.

Спрятав лицо, я мельком глянула на подошедшую строгую женщину средних лет. Она была дорого одета, пусть и в мрачных тонах, а ее манера держаться указывала на некое положение в обществе. Я хотела понять, кто она такая, но не осмеливалась смотреть открыто.

— Госпожа, — тихо ответила я, — вы меня с кем-то путаете.

— Не думаю, — настаивала женщина. — Как ты здесь оказалась?

— Заверяю вас, я не та, за кого вы меня принимаете.

— Я и сама прекрасно вижу. Муж! — позвала она супруга, который только что вышел из лавки. — Иди, скажи, что я права. Смотри, кого я нашла. Разве не странно?

Ее муж близоруко прищурился на меня сквозь толстые стекла очков, не понимая, кого должен узнать. А его жена становилась все громче и даже привлекла к спору одного-двух прохожих.

— Меня зовут госпожа Кармайкл, — убеждала я. — Недавно овдовела, сейчас гощу у брата на мельнице...

— Вот уж нет! Твои черты мне слишком знакомы. Я верю собственным глазам. Ты — дочь Энн Хоксмит, Бесс.

— Говорю же вам, я Кармайкл!

Ситуация держала меня в напряжении, и я не сразу заметила, как рядом остановилась

изящная двуколка. Сидящий в ней человек высунулся в окно и уверенно заговорил, явно привыкший к своей власти.

— Вдова Кармайкл, — обратился он ко мне, — искренне прошу вашего прощения, что опоздал.

Распахнув дверь, он выбрался наружу и отвесил поклон. Я наконец осмелилась поднять лицо и вдруг поняла, что смотрю в теплые карие глаза Уильяма Гулда. Он превратился из юнца в зрелого мужчину — стал крепче и плотнее, чем я помнила, в волосах виднелась седина, — но оставался все тем же Уильямом. «Бессин Уильям», как дразнила меня малышка Маргарет. Может, когда-то его и можно было так назвать, но в итоге место Гулда в обществе оказалось для меня недостижимым. Думаю, мы всегда это понимали в глубине души. А теперь он, как всегда находчивый, приехал в идеальный для моего спасения момент.

— О, — тут же сообразила я, — ничего страшного, сэр. Время пролетело незаметно.

— Идемте, — протянул он мне руку, — не будем и дальше задерживать повара. Она давно готовится к вашему визиту.

С этими словами Уильям помог мне сесть в двуколку, а затем захлопнул дверь. Кучер щелкнул поводьями, понукая откормленную гнедую лошадку. Ни один из нас не заговаривал, пока мы не отъехали на приличное расстояние.

— Бесс! Вот уж не ожидал тебя тут встретить, — произнес Уильям тихонько, чтобы кучер ничего не услышал. — Не ожидал, но очень рад.

Он так и не выпустил мою руку, а теперь и вовсе сжал ее крепче. Я улыбнулась.

— Я тоже рада снова тебя увидеть, Уильям, — сказала я искренне, хотя и не знала, как объяснить ему свое возвращение. Он многого не знал и многого никогда не сможет понять. Даже не будучи связана обещанием Эразмусу, я не заговорила бы о том, как прожила сотни лет. Если Уильям и верил бы, что я настоящая ведьма, то никогда не признался бы в этом ни себе, ни другим. На дворе стояли времена, когда магии боялись всем сердцем. Оставалось лишь напустить туману.

— Думал, я умерла?

Уильям покачал головой.

— Поговаривали такое, но я не верил. Когда ты ускользнула из тюрьмы, когда ты сбежала отсюда, люди что только не предполагали. Мол, погибла, разбилась о камни, прыгнув с утеса. Или утонула. Другие клялись, что видели, как ты выплыла. А еще... — Он замолчал.

— Что, Уильям?

— Говорили, что ты взлетела. Взмыла вверх, словно рожденная носиться по воздуху птица. — Он смотрел мне в глаза, но не искал в них ответ, словно не желал знать наверняка.

— Я ничего не помню о той ночи, — сказала я. — Может, упала, или выплыла, или ударилась головой о камень. Мне повезло. Но я не умерла, это точно.

Уильям сверкнул улыбкой, и я снова увидела в нем того мальчишку, с которым выросла. Мальчишку, которого любила.

— Да, ты определенно жива, Бесс Хоксмит, и я искренне рад! А теперь посидим дома, расскажешь мне все, что с тобой случилось за эти годы.

Мы свернули с узкой улицы на длинную дорогу к Бэтком-холлу. Я выглянула в окно. Великолепный особняк по-прежнему впечатлял размерами, ярко-красным кирпичом, множеством окон и дымоходов, окруженный зеленеющими лужайками и деревьями. Впереди красовались возвращенные с любовью клумбы. Интересно, как меня примет семья Уильяма,

слуги? Кто из них меня узнает? Как же неловко будет отвечать на их вопросы...

— Такой чудесный день, — поспешно произнесла я. — Давай не будем терять его в четырех стенах. Я бы лучше прогулялась по твоим замечательным садам. Вспоминаю их с теплотой.

— С удовольствием. Кинс! — Уильям постучал в потолок двуколки. — Будьте добры, остановите.

Мы шагнули на мягкую землю, и я глянула на кучера. На моей памяти Кинс долгие годы служил конюхом отцу Уильяма. До сих пор жив, удивительно, не говоря уже о том, что еще и продолжает работать. Выражение его грубоватого лица слегка изменилось — он меня узнал. Алоизиус завозился в сумке, словно почуяв, как меня изучают. Однако Кинс молча отвернулся и цокнул языком, вновь понукая лошадь. Двуколка последовала дальше, к дому, Уильям подал мне руку, и мы прошли сквозь увитые розами ворота.

Издаലെка сад казался прежним, однако вблизи стало ясно, что все заросло сорняками, изгородь неровная, а фигурным деревьям никто не придает нужную форму.

Уильям вздохнул.

— На цветы больше нет времени, Бесс. — Он махнул рукой на кое-как посаженные белые розы. — Все, что здесь сейчас есть, выживает само по себе. Мы тратим все силы на растущую позади дома репу, бобы и прочие овощи.

— Никогда не думала, что ты займешься грядками!

— Я тоже. Но теперь приходится. Мы должны делать все, что можем, дабы облегчить ужасные страдания, которые нам принесла война.

— А как же твоя жена, как она терпит садовника в мужьях? — По отразившейся на лице Уильяма боли я поняла, что сказала лишнего. — Ох, прости!

— Ты же не знала, откуда тебе... Она умерла два года назад. От оспы. Такая безжалостная болезнь, забрала многих.

— А твой отец? И Гамильтон? — Я мысленно дала себе пинка за то, что не расспросила про его семью раньше.

— Бесс, мой отец был уже стар, когда ты... когда ты еще жила здесь. Он умер до войны. Думаю, ему повезло. Гамильтон... ну, он не смог спокойно смотреть, как угрожают королю. Он с самого начала сражался на стороне роялистов и, увы, погиб, исполняя долг.

— Бедный мой Уильям.

— Мне пришлось куда лучше, чем многим. У нас с Ноэллой не было детей, нам не пришлось лицезреть их страдания. И у меня до сих пор есть дом, по крайней мере, на данный момент. Однако хватит обо мне. Бесс, что привело тебя обратно в Бэтком?

— Я кое-кого ищу.

— Будь осторожна, настали опасные времена.

— А когда они были иными?

— Никому нет доверия. Война... натравила людей друг на друга, настроила брата против брата. Убеждения меняются с каждым новым приливом.

— Полагаю, у людей есть куда более важные дела, чем я.

— Не рассчитывай. Люди ищут, на ком выместить гнев за свои беды. Многие потеряли любимых и близких. Кто-то утратил средства существования. Кто-то умер от нехватки хлеба. Они не знают, что их ждет дальше. Сейчас город поддерживает короля, но скоро это изменится. Здесь больше никто не желает сражаться. Когда сюда войдет Кромвель, никто не выступит против.

— Что же станет с тобой, Уильям?

Он помолчал, касаясь цветущей розы и глядя, как лепестки опадают на землю.

— Я откажусь от поместья и положения. Другие уже так поступили, и им было разрешено остаться.

Я прижала ладонь к его руке.

— Мне грустно видеть тебя таким, слышать о твоих страданиях. Жаль, что мы не встретились в более счастливое время. Потерять все...

Уильям глянул на дом, ставший приютом многих поколений его семьи.

— Знаешь, любопытно, что мне уже все равно, где жить. У меня нет наследника. Я сам по себе. По правде говоря, я разделяю принципы Кромвеля, хотя сам он мне отвратителен. Он жесток и беспощаден ко всем, кто ему противостоит. Впрочем, война есть война, верно? — Уильям слабо улыбнулся. Теперь мне казалось, что он ужасно постарел. Лицо его прорезали скорбные морщины. — Ты так и не рассказала о себе. Где ты была все эти годы? Как мир встретил упрямую Бесс, которая не хотела принадлежать ни одному мужчине?

— По-прежнему желаешь сделать меня своей любовницей, Уильям? Ты правда думаешь, что так мы обрели бы счастье?

Он тихо рассмеялся.

— Господь свидетель, я бы страшно сожалел о том дне, когда сковал бы тебя подобным образом. Нет, Бесс, ты создана лишь для свободы. Женщина, которой от рождения суждено жить иначе.

— Как хорошо ты меня знаешь.

— Тогда почему бы тебя не рассказать, кого ты здесь ищешь? Кто заставил тебя рискнуть и отправиться туда, где люди осудили тебя как ведьму и могут вновь поднять крик?

Я вздохнула, зная, что ответ поразит Уильяма в самое сердце.

— Гидеон.

Уильям ахнул, и его доброе лицо исказила смесь гнева и ревности.

— Мастерс! Гнусный злодей! Разве не он чуть не погубил тебя? Я думал, ты навсегда с ним покончила, Бесс.

— Не пойми меня превратно, Уильям. Я ищу его лишь потому, что он забрал близкого мне человека. Девушку. Она в страшной опасности.

— Ха! Естественно, если она у него в лапах! Но зачем Гидеону везти ее сюда? Он исчез в ту же ночь, что и ты. Его здесь ничего не ждет, кроме дурной репутации.

— Пока не знаю. Но он тут, он где-то рядом. Я точно видела его сегодня утром в городе, но не смогла проследить дальше. А потом... потом меня узнали. Если бы вдруг не подвернулся ты... Искать кого-то тайком очень трудно.

У дома вдруг показался человек, который шел в нашу сторону. Я прикрыла глаза ладонью, шурясь на солнечном свете. По резвой походке я поняла, что он молод.

— А! — Уильям широко улыбнулся. — Вот и Ричард. Без сомнений, вышел посмотреть на таинственную гостью.

— Ты же не скажешь... — поспешно произнесла я.

— Ричард! — позвал он паренька. — Познакомься с моей давней подругой. Госпожа Кармайкл прибыла навестить брата на мельнице.

Мальчик поклонился, причем весьма изящно, как будто специально оттачивал это движение.

— Добрый день, госпожа Кармайкл. Всегда рад встретить друзей сэра Уильяма.

Лицо самого Уильяма светилось гордостью.

— Ричард — мой верный слуга и главный помощник. Без него я бы не справился, верно, Ричард?

Мальчик улыбнулся, краснея от похвалы.

— Мэри-Энн послала меня спросить, повезло ли вам в поисках сахара.

— Увы, нет. — Уильям повернулся ко мне: — Домоправительница надеялась побаловать меня марципаном. Завтра день моего рождения. — Уильям похлопал Ричарда по плечу. — Придется отправить тебя обратно с плохими новостями. Поистине мужская обязанность — предстать перед Мэри-Энн со словами, которые она не желает слышать. Ну-ка, поспеши.

Мальчик удалился.

— Семья Ричарда арендовала у нас землю. Трех его братьев и отца унесла война. В прошлом году и мать уступила болезни. Я забрал его к себе, и мы... ну, мы уживаемся.

— Я всегда видела в тебе хорошего человека.

— Война раскрывает наши истинные лица. — Уильям на мгновение сжал мою руку. — Я помогу тебе, Бесс. Расспрошу людей, мне проще. Опиши эту девушку. Я сделаю все, что в моих силах.

Затем я ушла, неохотно согласившись принять его помощь и больше не подвергать себя ненужному риску. Я не хотела доставлять Уильяму лишних хлопот, но и не могла обещать, что перестану искать Гидеона в одиночку. Нельзя сидеть в стороне и ждать, пока кто-то другой отыщет Теган, на кону стояло слишком многое. Я доверяла Уильяму, однако знала, что с Гидеоном ему не совладать, и боялась за него. Он предложил услуги Кинса, но я объяснила, что лучше доберусь домой пешком, ведь долгая прогулка поможет мне привести мысли в порядок. Конечно, Уильям понимал, что история об Эразмусе — ложь. Он знал моего единственного брата, который давно умер. То, что Уильям не стал давить на меня ради более правдоподобной версии, вызывало во мне еще большую симпатию. Наконец здесь появился кто-то, кому можно доверять.

Я вытащила Алоизиуса из его «повозки» и позволила провести остаток пути у меня на плече. Прогулка действительно помогла мне обдумать свое ужасающе медленное продвижение в поисках. День подходил к концу, а Теган по-прежнему оставалась вне досягаемости. Мельком увидеть Гидеона и заручиться поддержкой Уильяма недостаточно. Надо действовать!

У мельницы было странно тихо. В безветренную погоду крылья не двигались. Утренняя теплота за день превратилась в давящую жару, и в тяжелом воздухе витало предчувствие грозы. Единственными звуками, что доносились из открытой двери этой необычной мельницы, были приглушенные ругательства. Я замерла на пороге, наблюдая, как Эразмус пытается отсоединить железный рычаг и освободить застрявшее ведро. Заметив меня, он бросил тщетные труды и вытер влажный лоб перепачканной в муке тыльной стороной ладони, весь взмокший, обеспокоенный и слегка чудаковатый на вид.

— А, вы вернулись! А я уже начал переживать.

— Не стоило.

— Вас не было несколько часов.

— Я отправилась в Бэтком. Справедливо решила, что начать поиски лучше именно там.

— Вас заметили? Думаете, могли узнать?

Я не собиралась делиться с Эразмусом сценой у галантерейной лавки. Он сразу бы меня отчитал за то, что я открыла лицо, за риск получить уйму вопросов, которые я оставлю без

ответа, и массу проблем. Поэтому я хотела рассказать только об Уильяме, умолчав о случившемся ранее. Однако столь прямолинейный вопрос застал меня врасплох, и я выдала себя выражением лица.

— Да ради всего святого, будьте же вы осторожнее! — раздраженно воскликнул Эразмус.

— Не надо считать меня совсем глупой. — Я нахмурилась. — Я приняла все возможные меры. И, к счастью, мне помог друг.

— Человек из вашего прошлого?

— Уильям Гулд — хозяин Бэтком-холла. Того самого места, что явилось мне в видении, которое и привело меня сюда. Он влиятельный человек, с положением в обществе. Он сможет расспросить людей вместе меня.

— И что же вы поведали этому другу о своем новом статусе вдовы Кармайкл? Должно быть, он сильно удивился, узнав о вашем брате, которого никогда не встречал.

— Уильям желает мне только добра. Он не стал расспрашивать, как я здесь оказалась, только выслушал, зачем мне все это.

Эразмус с раздражением бросил гаечный ключ в открытый ящик с инструментами, и по мельнице разнеслось гулкое эхо. Алоизиус, спрыгнув с моей руки, шмыгнул под отсек с зерном.

— Очевидно, его влияние в городе не сумело спасти вас от смертного приговора? — Сквозь сдержанный тон Эразмуса прорывались гневные нотки. — Или его положение так значительно повысилось, что теперь он в состоянии вам помочь?

— Он сделает все, что в его силах. Я ему доверяю.

— Будьте крайне осторожны в выборе тех, кто достоин доверия, мэм. Одно опрометчивое решение — и нас обоих вздернут за чародейство.

— Не бойтесь, никто и не подумает, что вы на самом деле не простой мельник, — заметила я, кивнув на его взъерошенный вид.

— На минуточку, именно моя работа в качестве мельника, пусть и никудышная, позволяет нам здесь жить.

— Тогда оставлю вас с ней наедине, сэр!

Я развернулась и вышла обратно на солнцепек.

— Куда же вы направляетесь, госпожа? — крикнул мне вслед Эразмус.

— Домой, — отозвалась я, шагая прочь. — Я иду домой.

Я вдруг ощутила жгучее желание вновь увидеть место, где провела счастливое детство. Где стала по-женски зрелой и училась у матери целительскому искусству. Где познала радость быть частью любящей семьи. Где последний раз ощущала такую привязанность.

Открыв глаза, я увидела, что на меня смотрят два лица. Причем одинаковых. Я попыталась встать и поняла, что лежу на низкой софе в окружении отделанных перьями подушек, а конечности плохо слушаются. Как будто я проснулась от глубокого и очень

странного сна. В голове был туман.

— Где я? — Язык заплетался, голос звучал хрипло.

Девушки уложили меня обратно.

— Тише-тише, — произнесла одна. — Не беспокойся.

— Тебе надо отдохнуть, — вторила ей другая. — Ты устала после долгого пути.

О каком таком пути она говорит?.. Я силилась вспомнить, что произошло, почему я лежу в этой странной и старомодной комнате с чужими людьми. Я надевала сапоги в коридоре коттеджа «Ива», потом услышала шум в гостиной и пошла проверить... Потом пустота. Ничего. Вот я там, а через мгновение очутилась в совершенно незнакомом месте. И я никак не могла найти связь.

— Как... — снова попыталась заговорить, — как я сюда попала?

— Насчет этого не переживай, — сказала первая близняшка.

Да, они наверняка близнецы. Или у меня серьезные проблемы с головой, потому что девицы были точными копиями друг друга, вплоть до темных волос. А еще эти двое явно вырядились для какой-то самодеятельности — на них были длинные кружевные платья с затянутой талией и высоким воротником. Я оглядела комнату. На широких досках пола — турецкий ковер. Антикварная мебель из темного дерева, оловянные тарелки и кружки на каминной полке. Повсюду свечи. Огромный камин не горел, но в помещении было тепло. Что за ерунда, я же только что стряхивала с сапог снег. А теперь за окном... лето.

Я села, отмахиваясь от девушек, которые попытались меня остановить. Голова закружилась, как от тяжелого похмелья. Вот только я накануне не пила.

— Просто скажите, где я и как сюда попала.

Я надеялась, что у меня вышло говорить уверенно, но, судя по лицам девиц, мне это не удалось. Первая близняшка ласково погладила меня по руке. Когда ее кожа соприкоснулась с моей, меня охватил страх. Начавшее пробуждаться ведьмовское чутье указывало, что эта парочка, может, и милая на вид, но внутри они гнилые.

— Бедняжка, — вздохнула вторая. — Ты такая бледная.

— И растерянная. У нее растерянный вид, правда, сестра? — спросила первая.

Они болтали откровенно девчачьим шепотом, который действовал мне на нервы.

— Кто вы такие? — спросила я, надеясь отвлечь их. В конце концов, какая девушка не любит рассказать о себе? — Как вас зовут?

— Лукреция, — улыбнулась первая.

— Флоренция, — ответила вторая.

Они одновременно присели в реверансе.

— А я — Теган. Впрочем, думаю, вы и так это знаете.

— О да, — согласилась Лукреция, — мы знаем о тебе все.

— Да-да, — кивнула ее сестра. — Ты наш особенный гость...

— ...и мы должны изо всех сил о тебе заботиться.

— Хочешь чего-нибудь попить?..

— ...или, может, перекусить?

— Тебе жарко? Очень душный день, правда? Давай я приготовлю тебе лимонаду. Я делаю отличный лимонад.

[Купить полную версию книги](#)